

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)
Москва, 8 февраля 2025 года

Материалы конференции

УДК 316.77:81.27(082)
ББК 88.53:81.001я43
С-483
DOI 10.31912/978-5-00202-773-6_2024

С-483 «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2025 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025. — 80 с.

ISBN 978-5-00202-773-6

Сборник содержит материалы научной конференции «Слово и жест», посвященной памяти Е. А. Гришиной (1958-2016). В центре внимания конференции – обсуждение вопросов мультимодальной коммуникации и жестикуляционной лингвистики, а также смежных проблем.

ISBN 978-5-00202-773-6

© Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

- 11:00 – Открытие конференции. Вступительное слово: *Владимир Александрович Плунгян*
- 11:10 – *Татьяна Евгеньевна Янко* (Институт языкознания РАН)
- 11:30 – Просодия обращений
- 11:30 – *Вера Исааковна Подлеская* (Институт языкознания РАН)
- 11:50 – Дистальные местоимения как ксенопоказатели
- 11:50 – *Николай Алексеевич Коротаев* (РГГУ, Институт языкознания РАН)
- 12:10 – Парентеза как мультимодальный кластер
- 12:10 – *Владислава Мария Вардиц* (Кёльнский университет)
- 12:30 – Жесты эмигрантов-билингвов: сохранение двух исходных систем или развитие нового репертуара?
- 12:30 – *Александра Алексеевна Евдокимова* (Институт языкознания РАН)
- 12:50 – К вопросу об универсалиях в жестах головы в русском и испанском языках и создании сопоставительного электронного видеословаря
- 12:50 – *Светлана Игоревна Буркова* (Институт языкознания РАН)
- 13:10 – Жест Palm-Up: формальные характеристики и функции в структуре текста на русском жестовом языке
- 13:10 – *Ольга Викторовна Федорова* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
- 13:30 – Две первые окуломоторные пятилетки: от описания к объяснению
- 13:30 – Перерыв
- 14:20

- 14:20 – *Мария Ивановна Киосе* (Институт языкознания РАН,
14:40 МГЛУ)
Полиmodalный пространственный дейксис в
спонтанном диалоге
- 14:40 – *Анна Васильевна Леонтьева* (Институт языкознания
15:00 РАН, МГЛУ)
Указательные жесты в диалогическом экспозиторном
дискурсе: функции и формы
- 15:00 – *Юлия Владимировна Николаева* (МГУ
15:20 имени М. В. Ломоносова)
Направление взгляда рассказчика в качестве
интерактивных жестов у здоровых людей и людей с
афазией
- 15:20 – *Наталья Витальевна Сухова* (Университет науки и
15:40 технологий МИСИС)
О физическом конструировании русского жеста
«объятие»: поведение участников
- 15:40 – *Артемий Александрович Котов, Анна Александровна
16:00 Зинина, Мария Павловна Малкина, Никита Алексеевич
Аринкин* (НИЦ «Курчатовский институт», МГЛУ, РГГУ)
Коммуникативные хеджи – исследование с роботом Ф-2
и портретирование в корпусе REC
- 16:00 – *Светлана Игоревна Переверзева* (РГГУ)
16:20 О языковых и жестовых подменах, основанных на
многозначности
- 16:20 – *Ольга Игоревна Северская* (ИРЯ РАН)
16:40 Речевые «жесты» в писательско-читательском диалоге
- 16:40 – *Ксения Андреевна Кутович* (Институт языкознания РАН)
17:00 Языковые биографии в исследованиях бимодального
билингвизма
- 17:00 – *Екатерина Владимировна Рахилина* (ВШЭ, ИРЯ РАН)
17:20 Формульные вопросы
- 17:20 Подведение итогов конференции

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)

Тезисы докладов

Содержание

<i>С. И. Буркова.</i> Жест Palm-Up: формальные характеристики и функции в структуре текста на русском жестовом языке	7
<i>Vladislava Maria Warditz.</i> Gestures in Heritage Speakers: Maintenance of Two Original Systems or Emergence of a New (Mixed) Repertoire?.....	9
<i>А. А. Евдокимова.</i> К вопросу об универсалиях в жестах головы в русском и испанском языках и создании сопоставительного электронного видеословаря.....	11
<i>М. И. Киосе.</i> Полиmodalный пространственный дейксис в спонтанном диалоге.....	16
<i>Н. А. Коротаев.</i> Парентеза как мультимодальный кластер.....	27
<i>А. А. Котов, А. А. Зинина, М. П. Малкина, Н. А. Аринкин.</i> Коммуникативные хеджи – исследование с роботом Ф-2 и портретирование в корпусе REC.....	33
<i>К. А. Кутович.</i> Языковые биографии в исследованиях бимодального билингвизма.....	37
<i>А. В. Леонтьева.</i> Указательные жесты в диалогическом экспозиторном дискурсе: функции и формы.....	39
<i>Ю. В. Николаева.</i> Направление взгляда рассказчика в качестве интерактивных жестов у здоровых людей и людей с афазией.....	50
<i>С. И. Переверзева.</i> О языковых и жестовых подменах, основанных на многозначности.....	52
<i>В. И. Подлеская.</i> Дистальные местоимения как ксенопоказатели.....	56
<i>О. И. Северская.</i> Речевые «жесты» в писательско-читательском диалоге.....	60
<i>Н. В. Сухова.</i> О физическом конструировании русского жеста «объятие»: поведение участников.....	64
<i>О. В. Федорова.</i> Две первые окулomotorные пятiletки: от описания к объяснению.....	69
<i>Т. Е. Янко.</i> Просодия обращений	74

ЖЕСТ PALM-UP: ФОРМАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА НА РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

С. И. Буркова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)*

burkova_s@mail.ru

В докладе речь пойдет о жесте Palm-Up ‘ладони вверх’ (далее – PU) в русском жестовом языке (далее – РЖЯ). Этот жест часто встречается в речи на разных жестовых языках. Исследователи жестовых языков интерпретируют его по-разному: как семантически пустой жест (Van der Kooij et al. 2014), как частицу с семантикой неопределенности (Conlin et. al. 2003), как жест, используемый для презентационной жестикуляции и выражения эпистемической оценки (Engberg-Pedersen 2002; Cooperrider et al. 2018), как дискурсивный жест (McKee, Wallingford 2011; Gabarró-López 2017, 2024; Shaw 2019). На материале РЖЯ жест ЛВ был кратко представлен в постерных докладах (Bauer 2019; Bauer et al. 2022), где, с основой на данные корпуса РЖЯ, говорится о том, что ЛВ может выступать и в дискурсивной функции, и в выражении эпистемической оценки.

В докладе будет показано, что жест PU в РЖЯ не связан непосредственно с выражением эпистемической модальности: этот жест выполняет дискурсивные функции, точнее говоря, одну функцию, которая может модифицироваться в разных контекстах. Основное внимание в докладе будет уделено тому, как те или иные формальные характеристики жеста PU (синтаксическая позиция, направление движения руки и немануальное оформление) коррелируют с модификациями этой функции.

Литература

Bauer A. Non-manual components with PALM-UP in Russian Sign Language: Poster presentation at the 93rd LSA Annual Meeting, New York, NY, January 3–7. New York, 2019.

Bauer A., Kuder A., Perniss P. Gesture, Sign, Visible Action? A Corpus-based Comparative Study of Palm-ups and Throw-Away in Polish, German

and Russian Sign Language: Poster presentation at the International Conference TISLR 14. Osaka, Japan, 2022.

Conlin F., Hagstrom P., Neidle C. A particle of indefiniteness in American Sign Language. // *Linguistic Discovery*. 2003. Vol. 2. Pp. 1–21.

Cooperrider K., Abner N., Goldin-Meadow S. The Palm-Up Puzzle: Meanings and Origins of a Widespread Form in Gesture and Sign. *Frontiers in Communication*. 2018. Vol. 26. Pp. 1–16.

Engberg-Pedersen E. Gestures in signing: the presentation gesture in Danish Sign Language. // Schulmeister R., Reinitzer H. (eds.), *Progress in sign language research: In honor of Siegmund Prillwitz*. Hamburg: Signum, 2002. Pp. 143–162.

Gabarró-López S. Discourse markers in French Belgian Sign Language (LSFB) and Catalan Sign Language (LSC): buoys, PALM-UP and SAME. Variation, functions and position in discourse: PhD thesis. Namur: University of Namur, 2017.

Gabarró-López S. Towards a description of palm-up in bidirectional signed language interpreting. // *Lingua*. 2024. Vol. 300. Pp. 1–22.

McKee R., Wallingford S. ‘So, well, whatever’. Discourse functions of palm-up in New Zealand Sign Language. // *Sign Language & Linguistics*. 2011. Vol. 14:2. Pp. 213–247.

Shaw E. *Gesture in Multiparty Interaction*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 2019.

Van der Kooij, Els, Crasborn O., Ros J. Manual prosodic cues: Palm-up and pointing signs: Poster presentation at the International Conference TISLR-9, Florianopolis, Brazil, December 2006. Florianopolis, 2006.

GESTURES IN HERITAGE SPEAKERS: MAINTENANCE OF TWO ORIGINAL SYSTEMS OR EMERGENCE OF A NEW (MIXED) REPERTOIRE?

Vladislava Maria Warditz

Slavic Studies, University of Cologne

vwarditz@uni-koeln.de

The descendants of Russian-speaking emigrants in Germany acquire Russian as a heritage language (Fishman 2001) within their families. Unlike the first generation, their language of socialization and official communication is primarily German. This functional distribution of languages supports functional bilingualism within the diaspora, with a clear dominance of German, which is used in almost all areas of communication.

A linguistic consequence of this situation is the transfer from German to Russian at all language levels (for an overview, see Warditz 2020): prosody, lexicon, syntax, morphology, and pragmatics. However, pragmatic phenomena are often excluded from studies on mechanisms of language change in heritage speakers, and non-verbal communication is rarely considered in research on pragmatic changes.

This paper examines gestures in Russian heritage speakers in Germany, focusing on the following questions:

1. Do heritage speakers use "German" and/or „Russian“ gestures in Russian communication?
2. Are these gestures connected to the language being used in (typically) multilingual communication?
3. Is there any indication of the maintenance of two original repertoires of non-verbal signs, or the emergence of a new (mixed) repertoire?

Previous research on gestures in heritage speakers has shown that, for instance, Turkish-Dutch bilinguals maintain two separate repertoires in each language respectively (Azar et al. 2020). However, our preliminary observations suggest a different situation among Russian-German heritage speakers, who tend to use predominantly German gestures in their Russian communication. Based on these observations, we hypothesize that this

speaker group tends to use German gestures (cf. Galati & Brennan, 2014) or to mix both systems, analogous to their mixed language repertoire (Warditz, 2025).

The study is based on a corpus developed during a survey that included Russian and German gestures (acceptability test and Likert scale test, January 2025). The participants were heritage speakers with high proficiency in Russian, aged 20–25, born in Germany.

References

Azar, Z., Backus, A., Özyürek, A. (2020). Language contact does not drive gesture transfer: Heritage speakers maintain language specific gesture patterns in each language. *Bilingualism: Language and Cognition* 23, 414–428.

Fishman, J. (2001). 300-plus years of heritage language education in the United States. In J. K. Peyton, S. McGinnis, & D. A. Ranard (Eds.), *Heritage languages in America: Preserving a national resource*. Center for Applied Linguistics, pp. 81–89.

Galati, A. & Brennan, S. E. (2014). Speakers adapt gestures to addressees' knowledge: implications for models of co-speech gesture. *Language, Cognition and Neuroscience*, 29:4, 435-451.

Warditz, V. (2020). Slavic Languages in Diaspora. In: Greenberg, Marc L., Grenoble, Lenore A. (eds.): *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics (ESLL) Online*, Leiden. <https://referenceworks.brill.com/display/entries/ESLO/COM-036122.xml> (Accessed 16.01.2025)

Warditz, V. (2025). Bi-aspectual verbs in heritage Russian against the background of baseline language dynamics. *Russian Linguistics*, 49, 1 (2025). <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09311-5>
<https://referenceworks.brill.com/display/entries/ESLO/COM-036122.xml>

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛИЯХ В ЖЕСТАХ ГОЛОВЫ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ И СОЗДАНИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ВИДЕОСЛОВАРЯ

А. А. Евдокимова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
arochka@gmail.com*

В качестве материала для исследования был взят эталонный подкорпус RUPEX (записи: 22, 23,4)¹, для русского языка для испанского монологический подкорпус SAFE [Евдокимова 2024б] и рилсы испаноязычного блогера (howtonuria), рассказывающего по-русски о жизни в Испании и России. Материал довольно разнородный, поскольку RUPEX — структурированный корпус с пересказываемым одинаковым сюжетом фильма, где часто повторяются одни и те же слова или смыслы. Корпус SAFE состоит из разных фрагментов, длительностью от 0,5 до 2,5 минут в его монологической части. Соответственно, чтобы собрать материал о цефалическом портрете одного из танцовщиков или хореографов, мы вынуждены для каждого собирать свой миникорпус. На данном этапе исследования в этом корпусе есть тематические пересечения во фрагментах из уроков, мастер-классов и объяснений движений, но по другим темам не так много близких сюжетов. Видео из блога Нурии очень эмоциональные, каждое из них посвящено своей теме, хотя они и объединены одной идеей сравнения испанцев и русских, их обычаев, привычек и жестов. Разметку материала мы проводили в программе Elan по методике, разработанной нами для корпуса RUPEX [Sukhova, Evdokimova, to appear]. В наших цефалических аннотациях все движения головы разделены на 3 слоя: Movement A (собственно жесты головы и смены поз), Movement B (адапторы и движения-эхо), Displacement (перемещения). Из этих слоев всё дальше распределяется по категориям и в зависимых слоях специальными тегами максимально

¹ Более детально о проекте см. <https://multidiscourse.ru/corpus/>

фиксируются все сопутствующие явления. Кластеры жестов и жестов с другими категориями (эхо, адапторы и т. п.) собираются на последнем этапе аннотирования. Как показали наши предыдущие исследования с апробацией этой методики на испанском материале, она позволяет зафиксировать все сопровождающие жест условия и описать его функционал с учетом тех обстоятельств коммуникации, которые выявлены по видео.

Как мы писали в нашей предыдущей статье [Евдокимова 2024а], есть тенденция выделять функциональные типы жестов, обозначая их направление. Однако при подборе иллюстративного материала мы столкнулись с проблемой, что часто жесты головы могут иметь небольшую длительность и маленькую амплитуду. Без размерной сетки, приложенной к фотографиям начала и конца жестов, они оказываются мало информативными, то же касается и видео, жест может быть почти незаметен. В этой связи нам представляется более эффективным использование раскадровки видео с разметкой на них тех моментов, которые мы предлагаем считать значимыми для каждого из жестов для дальнейшего их автоматического распознавания.

Особенность нашего сопоставительного электронного видеословаря не только в предлагаемом материале и в обращении только к жестам головы, а скорее в функциональном подходе. Уже по отобранному в каждый из разделов материалу (указательные, иллюстративные, ритмические, прагматические, регуляторные и т.д. жесты) видно, что по форме все эти жесты могут выглядеть одинаково. Отсюда развитая омонимия и синонимия в цефалическом канале, как и возникающее желание исследователей описывать более понятные и вербализуемые жесты [Benoit A., Caplier A. 2005; Nadar U. et al. 1985; Kendon 2002; Lee et al. 2010; Poggi I., D'Errico F., Vincze L. 2010; Григорьева С. А. и др. 2001 и т. д.]. Однако, вследствие особой роли головы в коммуникации, более любопытными для анализа нам представляются жесты с указанием направления движения и их функции.

Разберем на примере жеста головой вниз, какие функциональные типы могут быть в рамках одной записи эталонного подкорпуса RUPEX и какое у них распределение. Для анализа обратимся к записи с

жестами Нарратора (22N) и возьмем все жесты с тегами Down и Nod3 (кивок, состоящий из жеста головой вниз). Из 1662 жестов, 172 (10,3%) приходится на Down и 158 (9,5%) на Nod3. Из жестов головой вниз 31,9% — прагматические жесты, 8,1% — прагматические, совпадающие с одной из фаз моргания, 12,7% — сочетающие функции прагматических и указательных жестов, 4,6% — сочетание прагматической и указательной функций с фазами моргания, 3,4% — прагматические и одновременно ритмические жесты, 7,5% — жесты-аккомодаторы, 2,3% — изобразительные жесты. Остальные вариации представлены малым числом случаев. Выделение жестов, совпадающих с фазами моргания, в отдельную категорию мы производили, опираясь на исследования Е.А. Гришиной, упоминающей о важной роли морганий и сопровождающих их жестов головы для регуляции дискурса [Гришина 2017] и нашу апробацию учета этого фактора в разметке на эталонном подкорпусе RUPEX [Евдокимова 2020]. Среди Nod3 прагматических жестов 63,9%, 17,2% — прагматические, совпадающие с одной из фаз моргания, аккомодаторы — 9,4%. Другие функциональные типы (сочетание прагматического с указательным или аккомодатора с прагматическим) в этой категории имеют по 2-4 примера. Стоит оговориться, что те жесты, которые мы поместили, как аккомодаторы, в большинстве своем имеют маленькую амплитуду. Возможно, при более детальном изучении этой группы окажется, что они сочетают и другие функции.

Обращение к миникорпусу с видео монологов и интервью Кармен Ла Телегоны из корпуса SAFE показывает, что жест головой вниз в ее цефалическом портрете синонимичен с жестом наклон головы вбок. Также большая часть жестов Down несут прагматическую функцию, иногда сочетая ее с указательной. В рассмотренных фрагментах она не использует этот жест в функции аккомодатора, регулятора или изобразительного. Однако он чаще, чем в случае цефалического портрета Нарратора из 22-й записи, входит в кластеры жестов из группы Movement A (15% у Кармен Ла Телегоны и 2,3% в 22-й записи). При этом частотно его использование в кластере с движением вперед из слоя Movement B, как и у Нарратора из 22-й записи.

Видеофрагменты из блога Нурии по насыщенности жестами головы ближе к примерам с Кармен Ла Телегоны. Она еще больше предыдущих анализируемых использует кластеры с движениями из слоя Movement B. При этом она любит следить глазами за своими жестами рук, отсюда у нее бóльший, чем у других, процент жестов, сочетающих прагматическую и указательную функцию. Также, как Нарратор из 22-й записи, она использует изобразительные жесты головой вниз, а аккомодаторы в проанализированных нами ее видео отсутствуют.

Из приведенных примеров следует, что анализ жестов, сочетающих в названии направление и функцию позволяет охарактеризовать цефалический портрет испытуемого, как для русского, так и испанского языков. А используемая для этого методика аннотирования выявляет случаи универсальных жестов и ситуаций, в которых они появляются. Таким образом, при создании сопоставительного электронного видеословаря кроме раскадрированных видеофрагментов жестов мы сможем выделить в отдельный раздел жесты-универсалии со ссылками на отличные для разных языков случаи использования этих жестов в других контекстах.

Литература

Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. М.: Издательский дом ЯСК, 2001.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Евдокимова А. А. К проблеме названий жестов головы. Некоторые итоги аннотирования эталонного подкорпуса *gurex* (22, 4, 23 запись // Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной (Гришинские чтения). Москва, 8 февраля 2024 г. Материалы конференции. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2024. С. 9–15.

Евдокимова А. А. Жесты головы в перформансах хореографа Антонио Нахарро. Постановка проблемы // Язык-Музыка-Жест: информационные перекрестки (LMGIC-2024). Сборник материалов международной

научной конференции, Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2024 г. /под ред. П. М. Эйсмонт, Т. Е. Алексеевой-Ниловой. СПб.: Издательство Скифия-принт. 2024. С. 36–38.

Евдокимова А. А. Движения головы и моргания глаз. Совпадения или закономерности? // Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной (Гришинские чтения). Москва, 8 февраля 2020 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН Москва: 2020. С. 9–10.

Benoit A., Caplier A. Head nods analysis: interpretation of nonverbal communication gestures. // IEEE international conference on image processing, ICIP 2005. Vol. 3, pp. III–425.

Hadar U. et al. Hadar U., Steiner T. J., Clifford Rose F. Head movement during listening turns in conversation. // Journal of Nonverbal Behavior 9(4), Winter 1985. P. 214–228.

Kendon A. Some uses of the head shake // Gesture 2(2). December 2002. — P. 147–182, DOI: 10.1075/gest.2.2.03ken

Lee J., Wang Z., Marsella S. (2010). Evaluating models of speaker head nods for virtual agents // Proceedings of the 9th international conference on autonomous agents and multiagent systems. P. 1257–1264.

Poggi I., D'Errico F., Vincze L. (2010). Types of nods. The polysemy of a social signal // Proceedings of the 7th international conference on language resources and evaluation (LREC). P. 19–21.

Sukhova N.V., Evdokimova A.A. Annotating the cephalic channel // Fedorova Olga V., Kibrik Andrej A. (eds.) The MCD Handbook: A practical guide to annotating multichannel discourse. — To appear.

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС В СПОНТАННОМ ДИАЛОГЕ *

М. И. Киосе

Институт языкознания РАН

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru

В настоящей работе на материале спонтанных диалогов анализу подвергаются особенности конструирования пространства в ЭДЕ, содержащих речевые маркеры пространственного дейксиса и сопровождающихся жестами двух типов — индексальными (указательными) и иконическими (демонстрирующими характеристики объекта, действия с ним или отношения к нему). Ранее применительно к русскому языку (в [Ирисханова и др. 2022, 2023]) были изучены некоторые возможности использования жестов с речевыми маркерами пространственного дейксиса в спонтанном монологе. Однако, как указывает С.О. Савчук, «анализ дискурса с использованием жестовой составляющей открывает большие перспективы для изучения текстовых категорий <...>, изучения вариантов жестового поведения в разных типах дискурса, например, в диалоге и монологе» [Савчук 2021: 219]; в связи с этим мы полагаем, что обращение к диалогической коммуникации позволит установить отличительные характеристики в полимодальном конструировании пространства в монологе и диалоге в сопоставительном аспекте.

При исследовании полимодального пространственного дейксиса внимание в первую очередь обращается на разграничение дейктиками и жестами близкого и дальнего пространства. Так, Е.А. Гришина в качестве близких указаний рассматривает «указательные жесты, синхронизированные со словами *вот, тут, это, этот, <...>* далекими указаниями — жесты, синхронизированные со словами *вон, здесь, там, тот*» [Гришина 2012: 7-8]. В данной работе на материале МУРКО установлено, что указание на дальний объект (с точки зрения говорящего), реализуется с помощью жеста-указания пальцем, а на объект, расположенный близко, говорящий указывает с помощью открытой ладони. Данное наблюдение автора свидетельствует о том,

что расстояние до объекта определяет и способ конструирования объекта: если указание пальцем — это выделение объекта в пространстве, где жест выполняет сугубо индексальную функцию, то указание ладонью выполняет и иконическую функцию, реализуемую с помощью «демонстрации, или предъявления, когда объект указания расположен на обращенной вверх ладони, а говорящий, соответственно, предоставляет слушающему возможность посмотреть на расположенный в ладони предмет» [Там же: 13]. Однако обращает на себя внимание то, что в спонтанной речи с помощью дейктических слов с семантикой близкого или дальнего пространства не всегда конструируется пространство такого же типа. Так, в примере /и есть этот контроль у тех / кто действительно все эти тексты до него пишут/ в обеих ЭДЕ есть речевые маркеры конструирования пространства как близкого (*этот контроль, все эти тексты*), однако речь идет о пространстве, которое не определяется как близкое по отношению к говорящему — это пространство, описывающее объекты, не находящиеся в ситуации коммуникации, но «приближаемое» говорящим для конструирования интегративного пространства дискурса.

В связи с этим вслед за С. Левинсоном представляется возможным разграничивать два типа пространства, абсолютное (аллоцентрическое) и относительное (эгоцентрическое) [Levinson 2003], где первое может описываться лексическими значениями дейктических маркеров пространства, а второе — особенностями конструирования ситуации коммуникации [Levinson 2016]. Ранее мы уже отмечали варьирование в конструировании абсолютного и относительного пространства в отдельных дейктических словах с жестами разного типа (дейктическими, репрезентирующими, прагматическими и адаптерами) [Ирисханова и др. 2022, 2023] в экспозиторном монологе. Так, было установлено, что при использовании некоторых дейктических маркеров абсолютного пространства как близкого и далекого количество прагматических и репрезентирующих жестов в первом случае значительно выше, что согласуется с наблюдениями, сделанными Е.А. Гришиной [Гришина 2012]. При этом обнаружено, что конструирование с помощью координат близкого и дальнего пространства разных типов относительного пространства — и вне коммуникации — сопровождается перераспределением жестов. При сравнении жестовой активности со словом *вот* с семантикой

близкого пространства и словом *там* с семантикой дальнего пространства для конструирования пространства «вне коммуникации» обнаружено, что с *вот* употреблено значительно меньше дейктических жестов, но больше репрезентирующих, а с *там*, наоборот, больше дейктических и меньше репрезентирующих. Это свидетельствует о важности разграничения четырех координат пространства: «в коммуникации, близкое», «в коммуникации, далекое», «вне коммуникации, близкое» и «вне коммуникации, далекое», где координаты абсолютного пространства «близкое — далекое», определяются, как указано выше, с опорой на лексическую семантику самих маркеров, а координаты относительного пространства «в и вне коммуникации» — на контекст ситуации (с учетом особенностей конструирования времени и пространства ситуации). В настоящем исследовании к анализу привлекаются уже не отдельные маркеры как соотносимые с жестами, а вся клауза (ЭДЕ) как демонстрирующая особенности конструирования относительного пространства, т.к. в действительности жест может быть как полностью синхронизирован с маркером, так и идти несколько позже или раньше. Таким образом, мы намереваемся установить особенности конструирования четырех типов пространства с опорой на дейктические маркеры в речи и два типа жестов, с превалирующей индексальной и иконической функциями. Предположительно, жест «проводит» различие не только в конструировании абсолютного пространства, но и относительного с учетом четырех подтипов, с отличительными характеристиками для монолога и диалога.

Мы признаем, что существуют определенные ограничения в проведении такого анализа. Первое ограничение связано с тем, что дейктические слова могут указывать как на объект, находящийся внутри высказывания, так и на аудиторию указания, в частности, это относится к слову *вот*, о чем пишет Е.А. Гришина [Гришина 2008]. Также помимо пространственного значения у *вот* Е.А. Гришина отмечает и такие значения, как идентифицирующее (в *А какой размер вот этой решетки?*), квалифицирующее (*А как вот такой интересный рисунок получается?*), пространственно-временное (*и вот здесь бантик*), имплицатурное (*Я вот потому пришла Зоеньке сказать*). Второе ограничение связано с тем, что, как показано в работе [Kok & Sienki 2016], сами указательные жесты выполняют разные функции в коммуникации. Однако в связи с тем, что прототипическим

все же является собственно указательное значение как в дейктических словах, так и в указательных жестах, а также так как в устной спонтанной речи не всегда возможно четко разграничить значения (пространственные и непространственные) дейктических слов, принято решение рассматривать все их употребления как указательные.

В речи в нашем случае абсолютное пространство как близкое определяется с опорой на слова *этот, это*¹, *тут, вот, здесь*², *данный*, например, в */это у них такое/, /вот когда у нас с тобой была речь/, /тут у нас только текст/*; далекое — с опорой на слова *тот, там, вон*, например, в */но я просто понял пример того/, /все там было сказано/*. Так как приведенные слова не всегда реализуются в их лексических значениях в составе выражений, из материала исключены их использования в составе союзов и наречных выражений типа *в то время как, если...то* и др., устойчивых выражений типа *в том и (дело), тем или иным* (способом); также не привлекались к анализу незавершенные ЭДЕ типа */ну это.../*, содержание которых не давало возможности определить тип относительного пространства.

Материалом исследования стали записи речи и жеста 10 говорящих в диалогах общей продолжительностью около 75 минут, в ходе которых пары собеседников обсуждают актуальные проблемы, связанные с функционированием искусственного интеллекта (см. Рис. 1). Данный видеокорпус является частью записанного сотрудниками Центра Социокогнитивных исследований МГЛУ в

¹ Представляется очевидным, что слово *это* часто используется как связка и не несет дейктическую функцию, однако в устной речи не всегда возможно разграничить слово-связку и указательное употребление слова, например, в */но в первую очередь это (эта?) вина... разработчика/*. В связи с этим принято решение все использования *это* считать указательными и включить ЭДЕ с данным словом в материал анализа.

² Слово *здесь*, которое Е.А. Гришиной определяется как соотносимое с указанием на дальний (а не близкий) объект, мы определяем как конструирующее абсолютное пространство как близкое в соответствии с семантикой слова. Но само его отнесение Е.А. Гришиной именно к указателям на дальний объект [Гришина 2012б] свидетельствует о том, что проблема разграничения абсолютного и относительного пространства также признавалась значимой.

рамках проекта РНФ корпуса полимодального поведения говорящих, в котором размечены разные типы позиционирования и рекуррентных жестов.

Рис. 1. Обстановка эксперимента. Говорящий (слева): *все знаки того* с синхронизированным использованием иконического жеста

Анализу подвергаются 4978 ЭДЕ, из которых в 657 ЭДЕ были обнаружены один или несколько маркеров пространственного дейксиса в речи (в 20 случаях наблюдалось конструирование разных пространств за счет присутствия нескольких маркеров в одной ЭДЕ). В 4978 ЭДЕ установлены 1054 случая использования рекуррентных жестов двух типов — с ведущей индексальной функцией (жесты указания) и ведущей иконической функцией (жесты удержания двумя руками, отведения в сторону, эмблемы и др.).

На первом этапе анализа было получено распределение случаев конструирования каждого из четырех типов пространств в речи. Так, конструирование относительного пространства «в коммуникации, близкое» обнаружено в 187 случаях (27.6%), а «в коммуникации, далекое» — в 21 случае (3.1%). Конструирование пространства «вне коммуникации, близкое» обнаружено в 361 случае (53.3%), а пространства «вне коммуникации, далекое» — в 108 случаях (16%). Таким образом, чаще всего говорящий использует дейктические маркеры указания на близкий объект для конструирования ситуации, которая не происходит здесь и сейчас, как в */что это какая-то возможность делать что-то поистине новое/, либо как сами эти процессы/, /вот читает он сек- сексистский текст/*. При этом в два раза реже встречаются случаи использования этих же маркеров для конструирования пространства «в коммуникации», как в */и тогда тут*

встает вопрос признаков/, /ой я не могу в эту тему/, /ну я не могу прямо вот... со стопроцентной уверенностью сказать/. Вполне ожидаемо с помощью маркеров далекого пространства значительно чаще конструируется пространство «вне коммуникации», как в /что там с 99 на 2000 где-нибудь пр- будет сбой/, /а Алиса там как-то сомневается/, /если он достигнет того уровня/, и реже — пространство «в коммуникации», как в /там как бы двойная мотивация/ или /и то, что мы сами не знаем/.

На втором этапе к анализу были привлечены рекуррентные жесты, размеченные в видеокорпусе участниками проекта РФФ. Для целей настоящего исследования они были объединены в две группы — указательные жесты (указание пальцем и открытой ладонью), основная функция которых индексальная, и все остальные жесты (жесты удержания двумя руками, циклические жесты, жесты хватания, жесты отведения в сторону, эмблемы и др.), основная функция которых иконическая, заключающаяся в демонстрации характеристик объекта, действия с ним или отношения к нему, обозначающих его роль в коммуникации.

Из общего количества жестов анализируемого корпуса, равного 1054, с ЭДЕ с речевыми маркерами пространственного дейксиса синхронизировано 185 жестов. Применение критерия хи-квадрат для оценки различий в использовании жестов с ЭДЕ с маркерами пространственного дейксиса и без них показывает, что жесты значительно чаще употребляются с ЭДЕ с маркерами пространственного дейксиса ($\chi^2=13.73$ при $p<0.001$). Из этих жестов индексальными являются 22 жеста, иконическими — 163, что свидетельствует о значительном превалировании в жесте самих характеристик конструируемого объекта, а не простого указания на него. Результат тестов, оценивающих «вклад» жестов каждого из двух типов в конструирование пространства в ЭДЕ с маркерами пространственного дейксиса и без них, показал, что большие различия наблюдаются в использовании жестов с индексальной функцией. Так, из 68 указательных жестов из всего корпуса 22 жеста встретились именно с ЭДЕ с маркерами пространственного дейксиса ($\chi^2=21.136$ при $p<0.001$), из 986 индексальных жестов 163 обнаружены в таких ЭДЕ ($\chi^2=7.711$ при $p=0.006$). Приведем примеры жестов обоих типов (Рис. 2).

Рис. 2а. Использование иконического жеста (жеста-предъявления) с ЭДЕ /что мы не сможем **это** объяснить/

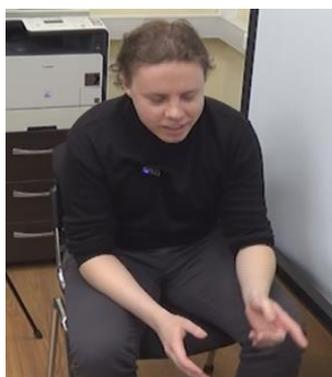

Рис. 2б. Использование индексального жеста (указание пальцем) с ЭДЕ /как бы.. как бы если **тут** привести философию на пример постмодернизма/

В обоих случаях на Рис. 2 говорящими используются маркеры абсолютного пространства как ближнего, также в обоих случаях конструируется относительное пространство типа «в коммуникации».

На третьем этапе были отдельно размечены случаи использования каждого из четырех типов пространств с каждым из двух типов жеста. Приведем полученные результаты в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение жестов с типами конструируемого пространства

	в комму- никации, близкое	вне комму- никации, близкое	в комму- никации, далекое	вне комму- никации, далекое
Индексальные жесты	8	8	4	2
Иконические жесты	30	96	10	27

Таким образом, при конструировании каждого из типов пространств доля иконических жестов оказывается выше. Далее с помощью критерия хи-квадрат установлены различия в выборе жестов при конструировании четырех пространств. Значимые различия обнаружены в использовании иконических жестов при конструировании пространства «в коммуникации, близкое» ($\chi^2=6.8$ при $p=0.01$,

доля иконических жестов ниже, чем при конструировании пространств других типов), и индексальных жестов при конструировании пространства «в коммуникации, далекое» ($\chi^2=13.5$ при $p<0.001$, превалируют в относительном исчислении индексальные жесты). Таким образом, при общем наблюдаемом превалировании иконических жестов с ЭДЕ с маркерами пространственного дейксиса для конструирования пространства «вне коммуникации» чаще, чем для конструирования пространства «в коммуникации», используются иконические жесты, что, очевидно, позволяет говорящему приблизить к себе и удержать в зоне внимания объект за счет демонстрации его характеристик и действий с ним или по отношению к нему. Рассмотрим это на примерах (Рис. 3).

Рис. 3а. Использование иконического жеста (жеста-удержание) с ЭДЕ */что-то там сделать при помощи вот этих вот технологий/*

Рис. 3б. Использование иконического жеста (жеста-предъявления) с ЭДЕ */что это какая-то возможность делать что-то поистине новое/*

Рис. 3в. Использование индексального жеста (указание открытой ладонью) с ЭДЕ */это ведь тоже часть нашей внутренней системы как биологического вида/*

На Рис. 3а говорящая при конструировании пространства «вне коммуникации» сначала как далекого (*там*), потом как близкого (*этих, вот*) использует иконический жест, помогая себе и, возможно, собеседнику, удержать в зоне внимания довольно абстрактный объект, который не находится «в коммуникации». Сходное проявление иконического жеста, жеста-предъявления, обнаруживаем на Рис. 3б при конструировании пространства «вне коммуникации» — на этот раз

говорящий «выдвигает» этот абстрактный объект в зону внимания. На Рис. 3в наблюдаем конструирование пространства «в коммуникации, близкое» (*это*), при этом используется индексальный жест указания обеими открытыми ладонями.

В работе [Ирисханова 2022] применительно к монологу было установлено, что указательными (т.е. индексальными) являются около 11% всех жестов (не включая адаптеры) при использовании маркеров близкого дейксиса при конструировании пространства обоих типов и около 19% при использовании маркера *там* дальнего дейксиса при конструировании относительного пространства «вне коммуникации». В настоящей работе применительно к диалогу установлено, что доля индексальных жестов в пространстве «в коммуникации» выше (27-40%), а в пространстве «вне коммуникации» ниже (7-8%), т.е. «разрыв» в их использовании при конструировании относительного пространства разных типов увеличивается. Можно предположить, что в диалоге в пространстве «в коммуникации» количество индексальных жестов выше за счет того, что они приобретают дополнительную контактоустанавливающую функцию. При этом обращает на себя внимание тот факт, что даже при использовании «вне коммуникации» индексальные жесты часто синхронизированы не с самим маркером дейктического слова, а с каким-то другим аспектом, связанным с позиционированием в высказывании. Рассмотрим Рис. 4.

Рис. 4а. Использование индексального жеста (указание открытой ладонью) с ЭДЕ /использование ну **там вот ты открываешь/**

Рис. 4б. Использование индексального жеста (указание пальцем) с ЭДЕ /**это уже III будет пользоваться людьми/**

На Рис. 4а говорящая использует индексальный жест, синхронизированный не только с *там* и *вот*, но и с *ты открываешь*, обращаясь к собеседнику как к обобщенному субъекту; таким образом, в этом случае можно говорить о позиционировании, связанном с выражением интересубъективности в высказывании. На рис. 4б говорящий выстраивает оппозицию своего мнения и ранее высказанного собеседником мнения, поэтому индексальный жест скорее указывает не на объект в пространстве «вне коммуникации», а на собеседника, который ранее высказал отличающуюся точку зрения. Это наблюдение подчеркивает важность замечания, сделанного Е.А. Гришиной в отношении разграничения использования дейктических слов как указывающих не только на объект коммуникации, но и на участников [Гришина 2008]; однако можно заметить, что в приведенных примерах это указание оказывается «вписанным» в пространство «вне коммуникации», т.е. пространство «в коммуникации» оказывается вложенным в пространство «вне коммуникации». Реализация такого формата определенно связана с условиями диалогического общения.

Таким образом, в целом для диалога при конструировании всех типов пространства характерно использование иконических жестов, но количество индексальных жестов выше в пространстве «в коммуникации». При этом доля жестов в ЭДЕ при конструировании пространства с помощью маркеров дейксиса выше, чем в целом по дискурсу, что свидетельствует о высокой значимости дейктических координат пространства в полимодальном мышлении говорящего. Особенностью спонтанного диалога (по крайней мере, в рамках рассмотренного материала) является конструирование пространства «в коммуникации», вложенного в пространство «вне коммуникации» за счет включения (встраивания) реальных участников коммуникации в пространство «вне коммуникации», что находит отражение в полимодальном поведении говорящих.

Литература

Гришина Е.А. (2008). Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи. *Slavica Helsingiensia*. Инструментарий русистики: корпусные подходы, 34, 63–91.

Гришина Е.А. (2012а). Указание рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса). *Вопросы языкознания*, 3, 3–50.

Гришина Е.А. (2012б). Указание большим пальцем: основные лингвистические функции. Полярный Вестник 15, 1–30.

Ирисханова О.К., Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В. (2022). Полиmodalный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе. Вопросы когнитивной лингвистики, 4, 17–31.

Ирисханова О.К., Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова А.В. (2023). Особенности полиmodalного дейксиса в решении метаязыковых задач. «Слово и жест». Материалы конференции. Отв. ред. С.О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 26–34.

Савчук С.О. (2021). Что вносит жестикуляционная лингвистика в изучение дискурса. Когнитивные исследования языка, 1(44), 213–220.

Kok K.I. & Cienki A. (2016). Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges. *Cognitive Linguistics*, 27 (1), 67–100.

Levinson S.C. (2003). *Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.

Levinson S.C. (2016). Turn-taking in human communication — Origins and implications for language processing. *Trends in Cognitive Sciences*, 20, 6–14.

* Исследование подготовлено в рамках реализации Проекта РНФ 24-18-00587 «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социокогнитивные основы полиmodalного позиционирования», реализуемого в Московском государственном лингвистическом университете.

ПАРЕНТЕЗА КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ КЛАСТЕР

Н. А. Коротаев

Российский государственный гуманитарный университет

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

n_korotaev@hotmail.com

В исследованиях Е. А. Гришиной, посвященных описанию русской жестикуляции, одним из ключевых является понятие мультимодального кластера — неслучайного сочетания речевых и жестовых явлений при выражении того или иного «смыслового события» [Гришина 2011: 258]. Некоторые такие кластеры Елена Александровна проанализировала подробно, про другие оставила более лаконичные наблюдения. Среди последних можно обнаружить упоминания о том, что определенные жестовые конфигурации сопряжены с семантикой пониженной значимости. В первую очередь, это касается т. н. «маргиналий» — типа жестикуляции, при котором движения осуществляются «в зоне ниже стандартной зоны коммуникации», в режиме «пониженной заметности», а «сопровождаемая ими фраза аксиологически ущербна с той или иной точки зрения по сравнению с предшествующим или последующим контекстом» [Гришина 2017: 536-537]. Один из случаев такого рода ущербности — это «замечания в скобках» [Гришина 2017: 290]. Отталкиваясь от этого наблюдения, я хочу представить предварительные результаты своего анализа жестикуляции в контексте дискурсивных вставок и показать, что здесь, пусть пока и с оговорками, действительно можно вести речь о мультимодальном кластере.

Под дискурсивной вставкой я, вслед за [Кибрик, Подлесская 2010], понимаю ситуацию, в которой говорящий реализует последовательность из по крайней мере трех дискурсивных единиц, при этом первая и последняя связаны между собой тем или иным содержательным отношением в рамках основной линии изложения, а фрагмент, располагаемый между ними (собственно вставка), представляет временное отступление от этой линии. Вставке, или парентезе (эти термины не полностью синонимичны, но безусловно близки), посвящена обширная литература, в которой затрагиваются семантико-

прагматические и формальные свойства этого сложного феномена; см. [Grenoble 2004; Dehé, Kavalova (eds.) 2007; Богданова 2011] и мн. др. Отдельное внимание уделяется просодическим характеристикам вставок относительно окружающего контекста: ряд этих характеристик (повышенный темп речи, сниженная громкость, редуцированный тональный диапазон) может интерпретироваться как формальное выражение коммуникативной подавленности, малозначимости вставки [Цеплитис 1974; Bergmann 2012; Dehé 2014: 35ff]. В то же время о том, какие неречевые ресурсы используются при реализации дискурсивной стратегии вставки, известно намного меньше. Едва ли не единственной общедоступной работой тут является статья [Lelandais, Ferré 2014], в которой на материале британского варианта английского языка рассматриваются мультисенсорные паттерны парентетических конструкций: просодия, мануальная и цефалическая жестикация, направление движения глаз. Впрочем, выводы авторов основываются на довольно скромной выборке из 28 примеров. Очевидно, что вопрос о том, как координация между вокальными и невокальными коммуникативными каналами реализуется в контексте дискурсивных вставок, пока исследован недостаточно.

Материалом настоящего исследования послужил мультисенсорный корпус «Рассказы и разговоры о грушах» (<https://multidiscourse.ru/>; [Кибрик, Федорова 2018]). Для первичного анализа использованы конструкции со вставками, которые были ранее выявлены и изучены с точки зрения их структурных и просодических характеристик в [Коротаяв 2021a, б]. Кратко перечислю ключевые дискурсивные свойства вставок — в том понимании, которое используется в настоящем исследовании, — а также определю некоторые рабочие термины. В первую очередь, вставка, как уже было отмечено выше, связана со временным отступлением от реализации основной линии изложения. Конструкция со вставкой имеет трехчастную структуру: непосредственно вставленный элемент окружен левым и правым контекстом; левый и правый контекст связаны между собой содержательным отношением в рамках основной линии. Вместе с тем, в используемом мною понимании вставленный элемент обладает известной автономностью. Он составляет отдельную элементарную дискурсивную единицу (ЭДЕ) или группу ЭДЕ, а значит — представляет отдельный шаг в реализации общего дискурсивного

замысла говорящего и имеет собственный интонационный контур [Kibrik et al. 2020]. Существенно также, что вставка может по-разному соотноситься с окружающим контекстом: например, она может уточнять содержание левого контекста или включать в себя метакомментарии общего характера; подробнее см. [Dehé 2014: 1-13] и др. Наконец, для вставки может быть характерна (хотя это и не обязательно) определенная коммуникативная подавленность.

В целом, при обнаружении конструкций со вставками использовался набор критериев, относящихся к вокальным (вербальному и просодическому) каналам. Соответственно, задачей, ставившейся на данном этапе исследования, было выявление сколько-либо регулярно повторяющихся паттернов невокального сопровождения этой дискурсивной фигуры. Всего было рассмотрено 106 конструкций из трех записей корпуса; основное внимание было уделено мануальной жестикуляции говорящих. Поскольку принципы разметки пока не формализованы, сообщать количественные результаты рано, но уже можно зафиксировать некоторые качественные тенденции. Далекое не во всех случаях наличие вставки значимо маркируется при помощи жестикуляции: говорящие либо просто не сопровождают речь жестами на протяжении всей конструкции, либо характер жестикуляции сложно интерпретировать как имеющий какое-либо отношение к парентетической природе срединного компонента. Встречаются, однако, и более интересные конфигурации, в которых кинетическое поведение говорящих согласуется с дискурсивными свойствами вставок. Эти конфигурации логически не исключают друг друга, поэтому могут реализовываться как по отдельности, так и совместно. Приведу краткие описания нескольких таких конфигураций.

1. Прерывание жестикуляции во вставке

В конфигурации этого типа мануальные жесты, соотносящиеся с левым и правым контекстом вставки, обладают заметной кинетической и содержательной связностью. Их можно описать как последовательность, в которой один жест естественным образом продолжает другой. В свою очередь, во вставке эта жестикуляционная линия прерывается: говорящий либо вовсе прекращает совершать заметные движения, либо реализует жест(ы), выбивающиеся из этой линии. Несложно заметить, что такое описание жестикуляционного поведения

фактически дублирует приведенное выше определение конструкции со вставкой: участник осуществляет некоторое действие (левый контекст), затем временно прерывает развитие этого действия (вставка), после чего возвращается к основной линии (правый контекст).

2. Независимая жестикуляция во вставке

Особенность этой конфигурации состоит в том, что во вставке реализуются жесты, не соотносящиеся с содержанием левого и правого контекста. Этот тип может как сочетаться с типом 1 (в том случае если жесты слева и справа от вставки связаны между собой), так и возникать в ситуации, когда в левом и / или правом контексте заметная жестикуляция отсутствует либо она не укладывается в понятную единую «жестикуляционную линию». Здесь уже можно говорить о проявленной в жестикуляции автономности вставки, в том числе — автономности иллокутивной. (Замечу, что упомянутые в начале доклада маргиналии рассматриваются Е. А. Гришиной как раз при описании иллокутивной семантики жестов.)

3. Дублирование жестикуляции во вставке

Еще один регулярно наблюдаемый паттерн — это полный или частичный повтор во вставке жестикуляции из левого контекста. Повторяться могут как изобразительные, так и прагматические жесты. Эта конфигурация преимущественно реализуется при тесной семантической связи вставки с левым контекстом, в частности — в тех случаях, когда вставка содержательно уточняет левый контекст.

4. Редуцированная жестикуляция во вставке

Наконец, своего рода аналогом просодической редукции вставки может выступать ослабленная жестикуляция: жесты выполняются со слабой амплитудой; стартуют и завершаются не в точке нейтрального положения (для анализируемого корпуса это обычно положение рук на коленях), а в ограниченном пространстве, обозначенном в конце жеста из левого контекста. Как и в случае с полным отсутствием жестикуляции во вставке, тут можно говорить о кинетических признаках коммуникативной подавленности.

Итак, предварительный анализ данных корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» позволяет выявить ряд мультиканальных паттер-

нов, в которых сложная дискурсивная стратегия вставки совместно реализуется посредством речевых и жестикуляционных ресурсов. Как уже было отмечено выше, принципы разметки кинетического сопровождения вставок еще нуждаются в уточнении; также полезно описать то, как вариативность жестикуляционного оформления парентетических конструкций соотносится с параметрами их речевой реализации — в частности, с характером семантико-синтаксической связи вставки с контекстом и сигналами просодической редукции. При наличии такого описания можно будет увереннее говорить о том, что парентеза относится к таким «смысловым событиям», при реализации которых мы регулярно прибегаем к мультимодальным кластерам.

Литература

Богданова Н. В. (2011). Вставные конструкции в звучащем спонтанном монологе. // Вопросы культуры речи, 10, 204–2012.

Гришина Е. А. (2011). О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», 10(17), 243–257.

Гришина Е. А. (2017) Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры.

Кибрик А. А., Федорова О. В. (2018). An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // Психология. Журнал Высшей Школы экономики, 15(2), 191–200.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. (2010). Вставочные конструкции в устном дискурсе. // В. З. Демьянков и др. (ред.) В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В.А.Виноградова (с. 87–99). М.: ЯСК.

Кортаев Н. А. (2021a). Конструкции с дискурсивными вставками в устной русской речи: базовые типы и просодические свойства // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог", 20(27), 413–424.

Korotaev H. A. (2021б). Темп и тональный регистр в конструкциях со вставками в неподготовленном устном дискурсе. // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2021): Труды девятого междисциплинарного семинара (с. 54–59). СПб.: Скифия-принт.

Целлитис Л. К. (1974). Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне.

Bergmann, Pia. (2012). The prosodic design of parentheses in spontaneous speech. // P. Bergmann, J. Brenning, M. Pfeiffer, and E. Reber (eds.) *Prosody and Embodiment in Interactional Grammar* (pp. 103–141). De Gruyter.

Dehé, Nicole (2014). *Parentheticals in spoken English: The syntax-prosody relation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dehé, Nicole, Kavalova, Yordanka (eds.) (2007). *Parentheticals*. John Benjamins.

Grenoble, Lenore (2004). Parentheticals in Russian. // *Journal of Pragmatics*, 36, 1953–1974.

Kibrik, Andrej A., Korotaev, Nikolay A., Podlesskaya, Vera I. (2020). Russian spoken discourse: Local structure and prosody // S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach* (pp. 35–76). Netherlands: John Benjamins Publishing Company.

Lelandais, Manon, Ferré, Gaëlle (2014). Multimodal analysis of parentheticals in conversational speech // *Multimodal Communication*, 3, 197–217.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ХЕДЖИ — ИССЛЕДОВАНИЕ С РОБОТОМ Ф-2 И ПОРТРЕТИРОВАНИЕ В КОРПУСЕ REC

А. А. Котов, А. А. Зинина, М. П. Малкина, Н. А. Аринкин

Национальный исследовательский центр

«Курчатовский институт»

Московский государственный лингвистический университет

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

kotov@harpia.ru

Хеджи обычно рассматриваются как особая стратегия вежливости, смягчающая категоричный характер просьбы [Brown, Levinson, 1987]: *Немного сложно! Не совсем верно!* Хеджи позволяют выразить сомнения и неуверенность, но даже при полной уверенности говорящий может использовать речевой хедж, чтобы сделать своё высказывание менее категоричным и более вежливым. В мультимодальной коммуникации хеджи также дополняются мимическими и жестовыми паттернами: соединением рук, взглядом вбок и прищуриванием глаз. Таким образом, хеджи являются многозначными знаками. В рамках данного исследования наша задача состояла в том, чтобы оценить, как хеджи робота-компаньона воспринимаются адресатом в разных ситуациях.

Мы воспроизвели на роботе-компаньоне Ф-2 базовые паттерны хеджей из мультимодального корпуса REC [Kotov, Vudyanskaya, 2012] и оценили их восприятие в эксперименте. При невербальном хедже робот «почёсывал» руки, закрывал глаза или смотрел вбок, закрывал лицо руками или прикладывал руки к телу (рисунок 1а). Хеджи противопоставлялись жестам «апелляции», где робот смотрел на адресата и обращал к нему руку (рисунок 1б).

(а)

(б)

Рис. 1 – (а) Робот с хеджами закрывает глаза и чешет голову, (б) «категоричный» робот совместно с высказыванием демонстрирует жест апелляции: машет рукой в сторону собеседника

Ранее мы оценили, как воспринимаются хеджи робота в ситуации ошибки. Говорящий может использовать хедж, когда он сам не уверен в своём суждении (*Семиотика наверно изучает что-то типа дорожных знаков*), либо когда ошибается собеседник — в этом случае говорящий оценивает высказывание собеседника (*Немножечко неточно!*). Мы установили, что в первом эксперименте робот с хеджами был оценен как более *сомневающийся*, но более *приятный для общения* [Malkina и др., 2023]. То есть если человек демонстрирует хедж при небольшой ошибке, то это воспринимается не как вежливость, а как сомнение. Во втором эксперименте робот с хеджами оценивался как более *вежливый*, *заботящийся* и *милый* [там же]. В этом случае человек также склонен симпатизировать роботу, но уже рассматривает хедж как вежливость, а не как выражение сомнения. Более того, робот с хеджами оценивался как более *спокойный*, *компетентный* и *ответственный*, что является парадоксальным наблюдением.

В текущем эксперименте мы оценивали, как будет восприниматься хедж в директивном иллокутивном акте: при просьбе или команде (предварительные данные опубликованы в [Котов и др., 2024]). В эксперименте приняли участие 46 испытуемых (35 женщин,

возраст $21,8 \pm 2,7$, $M \pm SD$). Испытуемые были случайным образом разделены на две группы: в одной группе робот совместно с просьбой демонстрировал хедж, в другой — аппеляцию. Робот просил человека найти все вхождения «целевой буквы» в матрице («таблице») из 529 (23×23) случайных букв русского алфавита. После того как испытуемый завершал работу с таблицей, робот просил человека «сделать ещё одну таблицу». Робот с хеджами использовал в своём высказывании стратегии вежливости (*Может быть, ты сделаешь ещё одну таблицу? Ты не сделаешь ещё одну таблицу?*), при этом он соединял руки, кусал губы, трогал или чесал голову. «Категоричный» робот не использовал стратегии вежливости в своей речи (*Сделай ещё одну таблицу! Давай ещё одну!*) и демонстрировал жесты аппеляции. Каждому участнику заранее сообщалось, что он может прекратить эксперимент в любой момент.

Согласно результатам, испытуемые в группе робота с хеджами заполнили $11,16 \pm 6,20$ $M \pm SD$ бланков до прекращения эксперимента, а в группе робота с прямыми командами – $16,43 \pm 6,95$ $M \pm SD$ бланков. Таким образом, робот с прямыми командами заставил испытуемого сделать намного больше таблиц до прекращения эксперимента. Результат указывает, что стратегии вежливости не оказывают на адресата стимулирующего эффекта в директивном иллокутивном акте. Наоборот, на поведение испытуемых влияет особая функция вежливости *предоставить адресату свободу не выполнять просьбу*. Стимулирующий эффект на пользователя производит именно тот робот, который не использует стратегии вежливости, а прямо заставляя человека продолжить выполнение задания.

Литература

Котов А. А., Зинина А. А., Аринкин Н. А., Малкина М. П. Исследование коммуникативных функций хеджей с помощью робота-компаньона Ф-2 // Психология познания. Ярославль: ЯрГУ, 2024. С. 170–173.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage (Studies in Interactional Sociolinguistics). Cambridge, 1987.

Kotov A., Budyanskaya E. The Russian Emotional Corpus: Communication in Natural Emotional Situations // Computational Linguistics and Intellectual Technologies, Vol. 11 (18). M.: RSUH, 2012. P. 296–306.

Malkina M. et al. Multimodal Hedges for Companion Robots: A Politeness Strategy or an Emotional Expression? // Computational Linguistics and Intellectual Technologies, 2023. № 22. P. 319–326.

ЯЗЫКОВЫЕ БИОГРАФИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ БИМОДАЛЬНОГО БИЛИНГВИЗМА

К. А. Кутович

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)*

kutovichk@gmail.com

Отбор информантов для исследований и сбор данных по жестовым языкам, как и по другим языкам, должен производиться с учетом соблюдения генеральной совокупности, то есть включать множество всех индивидов, чьи языковые особенности являются объектом социолингвистического анализа. На практике это осложнено набором факторов, игнорирование которых делает выборку нерепрезентативной. В данном докладе будут освещены факторы, значимые для социолингвистических и лингвистических исследований жестовых языков(ЖЯ).

Одним из таких факторов является то, что ЖЯ развивается в сообществе глухих и слабослышащих людей, которое имеет свои особенности. Русский жестовый язык — полноценная лингвистическая система, однако наблюдается сильное влияние русского звукового языка. Составляющей русского жестового языка является калькирующая жестовая речь. Данное влияние в конкретных случаях определяется возрастом начала изучения обоих языков, методом обучения в школе, предпочтительным языком коммуникации в бытовых и учебных ситуациях, степенью освоения обоих языков, наличием контактов с авторитетными участниками сообщества глухих, заинтересованными в развитии жестового языка, включенностью в сообщество, наличием глухих родственников, соотношением глухих и слышащих в семье, родом деятельности, регионом проживания, доступностью образовательных и социальных услуг с переводом на жестовый язык/ на жестовом языке, возрастом и т. д.

Существенным отличием является отсутствие тесного соседства, региональной сплоченности носителей ЖЯ внутри государства, как это может наблюдаться, к примеру, с носителями татарского языка в Татарстане. При такой удаленности ситуация с влиянием локальных факторов (род деятельности, наличие доступных образовательных и

культурных институций, учреждений и т. д.) оказывается неоднородной, что приводит к подмене репрезентативной выборки на квотную пропорциональную или кластерную.

Также нередки случаи, когда глухой носитель ЖЯ в разные периоды жизни оказывается включенным то в сообщество глухих, то в сообщество слышащих. Это влияет на его языковое поведение, самоидентификацию.

В последние годы, с появлением кохлеарной имплантации и фокусом на инклюзивное образование, объединением или упразднением специальных учебных учреждений для глухих, появлением доступности входа в новые профессиональные сферы, возросло влияние культурных институций, задающих языковой эталон и моделирующих языковое поведение участников сообщества.

Стоит отметить, что нередко инициатива в изучении особенностей ЖЯ и культурных феноменов глухоты стала исходить от самих носителей. Влияние этого фактора становится очевидным при изучении социолингвистической ситуации.

В докладе будет приведен анализ анкет информантов с учетом многообразия релевантных факторов, а также представлен опросник для создания лингвистических биографий потенциальных респондентов, что может быть использовано для обеспечения репрезентативности выборки в будущих исследованиях.

Литература

Беликов В. И. Социолнгвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024. 337 с. (Высшее образование).

Введение в лингвистику жестовых языков : русский жестовый язык / С. И. Буркова, В. И. Киммельман, Е. В. Филимонова [и др.]. Новосибирск : НГТУ, 2019

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ ЖЕСТЫ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЭКСПОЗИТОРНОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИИ И ФОРМЫ

А. В. Леонтьева

*Институт языкознания РАН
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)*

lentevanja27@gmail.com

В статье, на примере трех видеозаписей диалогической речи, рассматриваются особенности употребления указательных жестов в экспозиторном дискурсе в соответствии с их формой, направлением и характером движения. Рассматривается вербальная составляющая, т. е. то, какие понятия чаще встречаются при использовании полимодальной единицы «речь+жест», и как такие жесты коррелируют с тем, о чем идет речь. Данное исследование основывается на работе Е. А. Гришиной (2012) и посвящена указательным жестам в коммуникации на русском языке.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения в русском звучащем и русском жестовом языках» в Институте языкознания РАН.

Указательные жесты в литературе

Указательные жесты рассматриваются нами как подтип дейктических жестов, которые используются для указания на локализацию абстрактных или конкретных объектов или событий в пространстве [Cienki et al. 2014]. Это референциальные жесты, используемые для указания объектов, местоположения или направления. Как предположил Теренги, дейктические жесты в речи не просто дополняют, а фактически определяют часть внутренней структуры демонстративов [Terengi 2022]. Дейктические жесты вносят существенный вклад в пространственные координаты, которые помогают определить местоположение референта и дейктического центра. Полученные результаты подтверждают мультимодальный подход к демонстративным формам, предполагая, что вербальные и жестовые элементы работают вместе для передачи смысла. Важность дейктических жестов была отмечена в исследованиях взаимодействия человека и робота, особенно в строительстве, поскольку они могут

улучшить интуитивное управление и сотрудничество, направляя роботов на выполнение конкретных задач, как показано в системе LaserDex, которая сочетает жесты с лазерным наведением для повышения точности при выполнении пространственных задач [Yoon et al. 2024]. Кроме того, в искусственных агентах выявление слов, связанных с дейктическими жестами, может улучшить генерацию жестов в совместной речи, улучшая семантическое согласование жестов с разговорным языком [Gjasi et al. 2024]. В контексте аутизма ранние нарушения дейктических жестов являются значительными индикаторами проблем в развитии языка. Для автоматического кодирования этих жестов у детей с аутизмом был разработан подход на основе глубокого обучения, который показал многообещающие результаты в распознавании таких жестов, как указание и показ, что очень важно для социальной коммуникации [Bruschetta et al. 2023]. Также было обнаружено, что дейктические жесты значительно улучшают результаты обучения при сравнении двух типов учебных видео с такими жестами и без них. Это согласуется с принципом сигнализации, поскольку такие жесты приводят к снижению умственной нагрузки, повышению социального присутствия и увеличению парасоциального взаимодействия, что в конечном итоге улучшает внимание к лектору и эффективность запоминания в образовательном контексте [Veege et al. 2020]. Эти исследования в совокупности подчеркивают многогранную важность дейктических жестов в различных областях, как обладающих их потенциалом для улучшения взаимодействия, коммуникации и понимания как в человеческом, так и в машинном контексте.

Указательные жесты, как подтип дейктических, связаны с понятием индексальности, под которой мы понимаем наличие некой невидимой линии, проводимой говорящим в момент общения между рукой (пальцем, ладонью) и объектом, реальным или воображаемым [Clark, 2003]. Индексальность — способность некоторых частей человеческого тела создавать векторы в пространстве [Clark, 1996]. Таким образом, индексальный характер жеста не сводится только к формальным характеристикам, таким как наличие указательного пальца, но также к референциальной и прагматической индексальности. Индексальность отражается в трех важных компонентах такого жеста: самого указательного знака, ориго, то есть некой отправной точки, где пересекаются пространство и время [Bühler 1982], см., например [Diessel 2012], и дейктического поля (указательный знак, ориго и дейктическое поле). Последнее включает в

себя цель, слушающего и говорящего, на которую указывает жест. Она может не находиться в непосредственной видимости собеседников, но жест может создавать эффект ее присутствия [McNeil, 2003].

Особенности указательных жестов, описание их форм и функций в языке рассматриваются в статье Е. А. Гришиной (2012) *Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса)*, в которой автор вслед за С. Китой [Kita 2003] рассматривает указательные жесты как коммуникативное движение какого-либо органа, которое задает вектор от точки местонахождения говорящего до объекта такого указания или его расположения с целью привлечения внимания к такому объекту.

В работе рассматриваются следующие формальные типы жестов, в основе которых лежит метафора касания: ладонь вверх, ладонь вниз, ладонь вертикально и указательный палец.

Предполагается, что ввиду специфики дискурса (диалог), его задач (выстраивание коммуникации и решение общей задачи, поставленной перед участниками — выработка общей позиции), говорящие будут использовать такие жесты в качестве инструмента 1) установления коммуникации; 2) локализации объектов речи. В статье также обращается внимание на расположение таких жестов в пространстве, а именно они могут быть 1) направлены на коммуниканта; 2) быть в общей зоне коммуникации или 3) вне зоны коммуникации.

Материал и методы анализа

Материалом исследования являются видеозаписи (55 минут) диалогов пар. В ходе эксперимента 6 участников должны были объяснить различия между парами близких синонимов, таких, как *огонь — пламя; мертвец — труп; битва — схватка; чепуха — ерунда; кара — наказание; идеал — совершенство; ложь — враньё* и др. Анализ невербальных единиц, жестов рук, проводился в соответствии с типологией, представленной в работе Ирисхановой и Ченки [Cienki 2017; Iriskhanova and Cienki 2018]. Анализ материала проводился в программе ELAN.

В данной статье мы вслед за Е. А. Гришиной рассмотрим указательные жесты, а также их формальные признаки: форму руки и ее локализацию. Также мы рассмотрим характер движения рук во время воспроизведения указательного жеста и его направление.

Анализ данных показал, что говорящие использовали 151 дейктический жест, из них 42 указательных жеста, 102 жеста-

касания и 7 жестов-направлений. Из них 13 жестов были использованы вне зоны коммуникации, 3 жеста в зоне, 19 жестов были направлены на собеседника и 14 жестов на самого говорящего (Рис. 1).

Рис. 1. Направление указательных жестов

Анализ формы указательных жестов показал, что присутствует некоторая вариативность в их физическом воплощении в речи. Чаще всего говорящие использовали вариации с указательным пальцем (20 случаев), при этом говорящие могли использовать одну или обе руки при воспроизведении таких жестов. Говорящие также использовали различные конфигурации ладони (18 случаев) при указании, а также были зафиксированы редкие случаи (4) использования большого пальца.

Рис. 2. Форма указательных жестов

При этом более детализированный анализ формы рук(и) показал, что форма «указательный палец» может иметь вариации по направлению ладони, так как она может быть вниз, вверх и диагонально. Вариации особенно прослеживались при использовании такого жеста в качестве обращения к собеседнику. Формы и направления ладоней также были разными, так как они находились в положении латерально, диагонально и направлены к говорящему.

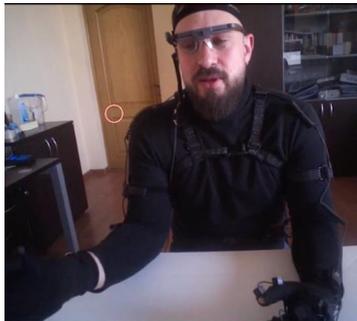
Также отмечалась такая форма ладони, при которой говорящие направляли на себя скорее пальцы рук, чем саму ладонь, так как рука находилась в немного согнутом положении и именно пальцы создавали вектор направления (см. примеры ниже).

Характер движения рук можно разделить на две большие группы: 1) отсутствие движения после выполнения жеста, так как рука после принятия нужной конфигурации остается на том же месте, и 2) рука, принявшая нужную говорящему форму, совершает некоторое движение. Всего было зарегистрировано 15 случаев отсутствия движения руки из 42, что может указывать на то, что указательным жестам скорее свойственно некоторое движение, которое может нести дополнительный смысл при передаче информации. В основном такие движения носят точечный, ритмический характер, ударное или плавное движение по осям вверх/вниз и вправо/влево, движение по дуге и «режущее» движение.

Анализ речи, которая сопровождает такие жесты, показал, что они могут использоваться при пояснении каких-то понятий: *то есть ерунда; только чушь; идеал это же от идеи; усердно, типа у сердца; да, это кредит короче; это наказание.* Также такие жесты встречаются при противопоставлении: *а долг, на тебя кто-то (повесил); но так не каждая.* Они встречаются вместе с такими местоимениями как *ты, мы, я* и их производными: *которое ты на себя берешь; у нас есть идеалы; смотри, точно, ты сам взял; ты сам виноват (что взял чемодан); близко к тебе, что оно у сердца; и на тебя долг; твоя ноша; слушай меня, схватка это; вот к чему мы с тобой пришли вот это безличное; и когда другой обвиняет его, все ты солгал, это другое обвинение;* и с указательными словами *тот, этот, вот* и т. п.: *эти идеи; это тоже бремя; обвиняет тот, что; вот к чему мы с тобой пришли; здесь то же самое.* Также наблюдались случаи использования таких жестов со словами *какой-то, какие-то* и т. п.: *если какие-то, какое-то задание; какие-то родственники.* Указательные жесты могли также использоваться для комментария,

замечания или выражения оценки: *они не правы; особенно когда; все, отлично; страшнее.*

Рассмотрим некоторые примеры. Так, на рисунке ниже говорящий использует указательный жест, ладонь развернута от него, немного диагонально вниз, движение плавно в сторону. При этом он поясняет слово *ерунда* и использует данный жест, чтобы разграничить свой дискурс и подчеркнуть итог, а именно итоговое значение этого слова через локализацию самого понятия и его финального значения.

То есть ерунда, что-то (такое)

Рис. 3. Пример указательного жеста, ладонь от себя в сторону

В процессе анализа материала была также отмечена способность таких жестов замещать речь, как в примере ниже. Говорящий показывает на свою собеседницу, пока ищет слова, чтобы выразить нужную мысль. Он использует открытую ладонь, которую опускает вниз и направляет немного диагонально, словно проводя черту, т. е. указывая на собеседницу целиком.

(слушай) эмм

Рис. 4. Пример указательного жеста, ладонь латерально

Вскоре, когда идея сформирована, говорящий задействует вторую руку, все так же обращаясь с помощью жеста к своей собеседнице, так как она является референтом, т. е. он называет ее идеалом, она «одно и то же», олицетворение понятия идеала.

одно и то же

Рис. 5. Пример указательного жеста, ладони латерально

Теперь рассмотрим использование указательного пальца. На примере ниже мы видим, как говорящий использует указательный палец, ладонь латерально при оценке действий других людей. Жест используется как обращение к собеседнице, а также как средство подчеркивания информации за счет своей формы.

Они не правы

Рис. 6. Пример указательного жеста, указательный палец

Такой жест с контактоустанавливающей функцией также может носить прагматически характер, так как он обладает значением «точно», «верно подмечено». Данный жест, когда говорящие используют обе ладони, которые располагаются одна за другой,

одновременно показывая друг на друга, может также иметь эмблематический характер, поскольку этот жест довольно часто может использоваться и без слов в различных ситуациях для выражения точности и согласия со словами собеседника, то есть для подтверждения общего понимания некоторой ситуации и взаимной настройки собеседников.

С полу-(сладкого)

Рис. 7. Пример указательного жеста, взаимное указание

Как было указано выше, указательный жест такой формы может также исполняться с развернутой вверх ладонью. Данный пример мы можем видеть ниже, когда говорящая, обращаясь к собеседнику, указывает на него.

Смотри, точно, ты сам взял!

Рис. 8. Пример указательного жеста, указательный палец, ладонь вверх

При обращении к себе или указании на себя говорящие могут использовать пальцы ладони, поворачивая их к себе. Такая форма наиболее часто используется при обращении к себе как к примеру/подтверждению (Рис. 9).

Последняя форма, которую мы рассмотрим, это использование большого пальца как указательного жеста. В данном случае он используется для указания времени, то есть в прилагательном *вчерашний* содержится информация о том, когда произошло то, о чем идет речь. Такой жест встречается именно в контексте указания на или отсылки к событиям прошлого, которое традиционно в русской культуре находится за говорящим в его системе временных координат. Именно поэтому говорящий показывает за себя, усиливая семантику прилагательного (Рис. 10).

*Которые ты на себя
(обязательства)*

Рис. 9. Пример указательного жеста, пальцы на говорящего

вчерашний

Рис. 10. Пример указательного жеста, большой палец

Обсуждение и заключение

Таким образом, в данной статье были рассмотрены дейктические, а именно указательные жесты, которые возникали в процессе диалогического общения. Было обнаружено, что говорящие чаще всего показывают на собеседника и на себя в процессе общения, а также довольно часто использует эти жесты в зоне коммуникации, возможно,

таким образом, чтобы расположить некий референт в области, доступной для наблюдения обоим говорящим.

Также было установлено, что говорящие примерно одинаково часто используют такие жесты в форме указательного пальца и ладоней (учитывая различные вариации таких форм). Более того, в большинстве случаев собеседники предпочитали динамические указательные жесты статическим, возможно, для более четкого указания за счет использования пространства вокруг.

Употребление указательных жестов в диалоге в большинстве случаев совпадает с речью, однако, в некоторых ситуациях они проявляют способность к замещению речи, то есть используются в момент паузы. Таким образом, они могут выполнять сразу несколько функций: фасилитацию речи и запрос на помощь со стороны собеседника.

В целом проведенный анализ показал, что указательные жесты являются важным составляющим диалогической речи, так как они не только способны указывать на некий объект речи в пространстве, но также выполнять контактоустанавливающую, усилительную и оценивающую прагматические функции за счет своей формы, характера движения и расположения в пространстве. Изучение данных жестов важно для понимания природы естественной человеческой коммуникации и особенностей ее построения.

Литература

Beege M., Ninaus M., Schneider S., Nebel S., Schlemmel J., Weidenmüller J., Moeller K., Rey G.D., (2020). Investigating the effects of beat and deictic gestures of a lecturer in educational videos. *Computers & Education* 156, 103955. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103955>

Bruschetta R., Campisi S., Mastrogiuseppe M., Leonardi E., Aiello S., Salvatore C., Venturi A., Schiavon E., Campisi A., Famà F.I., Carrozza C., Blandino C., Marino F., Cerasa A., Capirci O., Pioggia G., Ruta L., Tartarisco G., (2023). A deep learning approach for automatic video coding of deictic gestures in children with autism, in: 2023 3rd International Conference on Electrical, Computer, Communications and Mechatronics Engineering (ICECCME). Presented at the 2023 3rd International Conference on Electrical, Computer, Communications and Mechatronics Engineering (ICECCME), IEEE, Tenerife, Canary Islands, Spain, pp. 1–6. <https://doi.org/10.1109/ICECCME57830.2023.10253245>

Cienki A. (2017). Ten lectures on Spoken language and Gesture from Perspective of Cognitive Linguistics. Issues of Dynamicity and Multimodality. Leiden, Boston, Brill.

Clark H. (2003). Pointing and placing. Pointing: Where Language, Culture and Cognition Meet. Edited by Sotaro Kita. — Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. Mahwah, New Jersey, London. — P. 242-268

Diessel H. (2012). Bühler's two-field theory of pointing and naming and the deictic origins of grammatical morphemes. 10.13140/2.1.4626.8803

Gjaci A., Recchiuto C.T., Sgorbissa A., (2024.) Labeling Sentences with Symbolic and Deictic Gestures via Semantic Similarity. <https://doi.org/10.48550/ARXIV.2407.02151>

Iriskhanova O., Cienki A. (2018). The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contributions and challenges // Issues in Cognitive Linguistics, 4. P. 25–36.

Kita S. (2003) Pointing: A foundational building block of human communication // S. Kita (ed.).

McNeill D. (2003). Pointing and Morality in Chicago. In S. Kita (Ed.) Pointing: Where Language, Culture and Cognition Meet (pp. 1–16). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Terenghi S., (2022). Integrating deictic co-speech gestures in demonstrative forms. AVT 39, 225–239. <https://doi.org/10.1075/avt.00071.ter>

Yoon S., Park M., Ahn C.R., (2024). LaserDex: Improvising Spatial Tasks Using Deictic Gestures and Laser Pointing for Human–Robot Collaboration in Construction. J. Comput. Civ. Eng. 38, 04024012. <https://doi.org/10.1061/JCCEE5.CPENG-5715>

Гришина Е.А. (2012). Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса). // Вопросы языкознания. №3, с. 3–50.

НАПРАВЛЕНИЕ ВЗГЛЯДА РАССКАЗЧИКА В КАЧЕСТВЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ЖЕСТОВ У ЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ И ЛЮДЕЙ С АФАЗИЕЙ*

Ю. В. Николаева

*МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

julianikk@gmail.com

Bavelas et al. (1992) ввели понятие интерактивных жестов, описав их следующим образом: «Их функция связана с процессом коммуникации, а не с предметом разговора». Cugioni et al. (2020) отметили, что такие жесты направлены на привлечение внимания адресата и позволяют управлять его реакцией. Помимо жестов рук, было показано, что направление взгляда также играет важную роль в диалоге [Kendon 1967].

Я исследовала, как говорящие используют направление взгляда на адресата и от него в разговоре, а также другие немануальные сигналы, указывающие на речевые затруднения, такие как вздохи или покачивание головой, и как эти сигналы связаны с речевыми сбоями, такими как паузы и самокоррекция. Для этого мы использовали корпус Pear Stories and Talks [RUPEX, Кибрик 2018] и корпус CliPS [Khudyakova et al. 2016].

Одна из частых стратегий во время речевых сбоях, особенно если это длительные паузы (более 10 секунд), состоит в использовании мануальных жестов: говорящий показывает нужное понятие жестами и сам потом смотрит на свои руки; после таких жестов время паузы перед следующим словом значительно сокращается. Кроме того, люди с афазией, в отличие от здоровых, используют взгляд на собеседника одновременно с паузами или вербальными объяснениями речевых трудностей («я не знаю, как сказать»). У здоровых людей подобные взгляды на адресата возникают в ситуациях приблизительной номинации и неуверенности в точности передаваемой информации или выборе слов («он был немного толстым», «фильм семидесятых годов, я думаю»).

Люди с беглой афазией использовали взгляд в сторону во время пауз, причем границы взгляда и паузы совпадали по времени. Люди с

беглой афазией также использовали кивки головой, чтобы привлечь внимание адресата (например, к правильному варианту слова). Движения головы людей с беглой афазией были схожи с движениями здоровых рассказчиков. Люди с небеглой афазией смотрели на адресата очень короткими взглядами; взгляд во время пауз часто перемещался между точками в окружающем пространстве и лицом адресата. Во фрагментах беглой речи люди с небеглой афазией делали много ритмичных жестов головой (а иногда и руками): на каждое слово или на каждый слог выделенного слова, что отличает эти жесты от кивков головой здоровых людей и людей с беглой афазией.

Литература

Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал, 2018, 39(2). С. 79–90.

Bavelas J. B., Chovil N., Lawrie D. A., Wade A. Interactive gestures. Discourse processes, 1992, 15(4), 469–489.

Curioni A., Knoblich G.K., Sebanz N., Sacheli L.M. The engaging nature of interactive gestures. PLoS ONE, 2020, 15(4): e0232128.

Kendon A. Some functions of gaze direction in social interaction. Acta Psychologica, 1967, 26, 22–63.

Khudyakova M., Bergelson M., Akinina Y., Iskra E., Toldova S., Dragoy O. Russian CliPS: a corpus of narratives by brain-damaged individuals // LREC 2016 Workshop: Proceedings “Resources and Processing of Linguistic and Extra-Linguistic Data from People with Various Forms of Cognitive/Psychiatric impairments (RaPID-2016)” 23 May 2016 – Portorož, Slovenia. / Ed. by Dimitrios Kokkinakis. P. 22–26.

* Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

О ЯЗЫКОВЫХ И ЖЕСТОВЫХ ПОДМЕНАХ, ОСНОВАННЫХ НА МНОГОЗНАЧНОСТИ

С. И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
P_Sveta@hotmail.com*

Исследуя невербальную манипуляцию на материале художественных произведений [Переверзева 2024], мы обратили внимание на то, что персонаж может выражать посредством одного и того же действия совершенно разные и «неравноправные» коммуникативные намерения: одно служит только предлогом для исполнения жеста, другое — подлинное, ради которого и понадобился данный жест, ср.

- (1) — *Молчите! — разом вспыхивая гневом, возмущилась я, — молчите, или я выпрыгну сейчас же из коляски... — Полно, княжна, полно, успокойтесь! — произнес он мягко и вкрадчиво, положив свою пухлую руку на мои заолодевшие от смущения пальцы, — я не хотел огорчить вас.* [Л. А. Чарская. Вторая Нина (1909)];
- (2) — *А почему вы закрыли эту карточку? — спросил Митенька, положив свою руку на ее, и, глядя ей в глаза взглядом, показавшим, что карточка только предлог, тихо, ласково сжал ее руку.* [П. С. Романов. Русь (1922)].

В этих примерах одно намерение как бы маскирует другое: жест «положить (свою) руку на (чью-л.) руку», прерывающий чужую речь (1) или указывающий на карточку (2), в действительности является жестом ласки. Такого рода ситуации мы будем называть *жестовым подменами* и предлагаем для них следующее определение: ‘человек X совершает некое движение, выражающее смысл А, так, чтобы адресат или наблюдатель мог думать, что смысл этого движения — В’.

Очевидно, в основе жестовых подмен лежит многозначность невербальных единиц — свойство, которым обладают и языковые единицы, что позволяет описывать невербальные подмены, сопоставляя их с вербальными. При этом обнаруживается ряд интересных различий.

Во-первых, многие жесты, в отличие от слов, не просто многозначны, а контекстуально многозначны по своей природе (так, широко раскрытые глаза могут выражать, среди прочего, удивление, или испуг, или обе эмоции одновременно). Для языковых же единиц контекстуальная многозначность, как правило, приводит к семантическим смещениям, которые образуют каламбуры, см. [Санников 1999], лежат в основе речевого воздействия [Котов 2021] или высвечивают смысловую инвариант в поэтическом тексте [Перцов 2015]. Из этого различия проистекают два важных следствия:

(а) языковые и жестовые каламбуры устроены по-разному. Если в языковом каламбуре два понимания могут как сосуществовать вместе (одно не отменяет другое), так и конкурировать (одно заменяется другим), ср. каламбур-«семья» и каламбур-«маска» в терминологии [Санников 1999: 499–500], то в жестовом каламбуре всегда происходит замена одного понимания другим (именно так «жестовый каламбур» понимается в работе [Цивьян 2008]), поскольку сосуществование разных пониманий для одного жеста, как было сказано выше, обычно;

(б) подмена смысла А смыслом В возможна в том случае, если А и В (почти) не содержат общих семантических компонентов (ср. ‘указание’ и ‘выражение тёплых чувств’ в примере (2)). Сказанное справедливо и для естественного языка: известно, что столкновение двух смыслов в одном контексте ощущается адресатом тем отчётливее, чем более эти смыслы далеки друг от друга [Котов 2021: 76–77] и что «каламбур на основе омонимичных слов возникает чаще, чем каламбур на основе многозначных слов» [Kelly 1971; цит. по Апресян 1995: 181]. Тем не менее представляется, что для жестов степень расхождения смыслов при подмене должна быть ещё сильнее, чем для слов.

Во-вторых, языковые единицы в ситуации подмены, как правило, не утрачивают смысл (и, наоборот, бессодержательная последовательность звуков не «маскируется» под слово). При жестовых подменах, напротив, переход от не-жеста к жесту или от жеста к не-жесту вполне обычен, ср.:

(3) (не-жест маскируется жестом)

Шофер на секунду снял огромные темные очки, в которых его почти невозможно было узнать, взглянул на Тима и громко сказал:

— До свидания, молодой человек! — и подал ему руку. <...>
В руке Тима остался обрывочек бумаги, крошечная записочка...
(Дж. Крюс. Тим Талер, или Проданный смех. Пер. А. Исаевой)

(4) (жест маскируется не-жестом)

Пастор (Мюнхгаузену): *Так какое у нас сегодня июня?*

<Бургомистр, стоя за спиной герцога и пастора, украдкой показывает Мюнхгаузену указательный палец. Герцог оборачивается. Бургомистр, заметив это, почёсывает поднятым пальцем щеку.>

Мюнхгаузен: *Первое.*

[Марк Захаров, Григорий Горин. Тот самый Мюнхгаузен, к/ф (1979)]

Заметим, однако, что если подмена совершается не говорящим, а адресатом или наблюдателем (т. е. если речь фактически идёт об интерпретации), то осмысление не-слова как слова оказывается возможно. Так, герой стихотворения Эдгара По в карканье ворона слышит “Nevermore!” (этот эффект удачно передан как «Не вернуть!» в переводах В. Бетаки и А. Милитарёва).

В-третьих, в речевом высказывании, в силу его линейности, подмена настоящего смысла мнимым всегда происходит последовательно: сначала адресату предъявляется один смысл слова, затем другой (на этом основаны реакции обманутого ожидания и комического шока, см. [Санников 1998: 500]). В жестах же возможна и последовательная (см. (4)), и синхронная подмена (см. (1)–(3)), поскольку жестовое «высказывание» может быть нелинейным (ср. понятия вертикальной и горизонтальной жестикуляционной лигатуры в книге [Гришина 2017]).

Перечисленные различия позволяют наметить классификацию жестовых подмен на основе следующих признаков:

1. тип семантического перехода — десемантизация жеста (утрата смысла), означивание не-жеста (возникновение смысла), переход от одного смысла к другому;

2. одновременность / последовательность семантического перехода;

3. (для последовательных семантических переходов): что происходит раньше — переход от смысла В («предлога», кажущегося смыслом) к смыслу А (подлинному смыслу) или, наоборот, переход от А к В?

Мы считаем, что в перспективе некоторые из этих признаков с определёнными поправками могут быть применены для классификации и языковых подмен, и подмен смешанного типа, в которых участвуют вербальный и невербальный знаковые коды.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК, 2017.

Котов А. А. Механизмы речевого воздействия. М.: РГГУ, 2021.

Переверзева С. И. Невербальная манипуляция и проблемы её выявления: жест «положить (свою) руку на (чью-либо) руку» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 4 (42). С. 293–310.

Перцов Н. В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Цивьян Ю. Жест-каламбур: к истории перемонтажа // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 5 (сентябрь — октябрь). С. 189–214.

Kelly L. G. Punning and the linguistic sign // Linguistics. An international review. 1971. № 66.

ДИСТАЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ КАК КСЕНОПОКАЗАТЕЛИ

В. И. Подлесская

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)*

vi_podlesskaya@iling-ran.ru

Доклад посвящен особому классу ксенопоказателей (маркеров чужой речи). Этот класс в работе [Подлесская 2018] был назван «репрезентативами». Другие существующие термины для того же феномена — «местоимения деконкретизации» [Падучева 2016] и «пролокутивные местоимения» [Откупщикова 1989; Онипенко 2019]. Репрезентативы выступают как заместители прямой номинации объекта или положения дел, которая, предположительно, имела в исходном фрагменте чужой речи, но при цитировании подверглась намеренной редукации — как правило, в целях обобщения и сокращения. Репрезентативы в русском языке — это, главным образом, местоимения дальнего указания (*m*= серии — *тот*, *такой*, *туда* и др.).

- (1) *желая подчеркнуть свои приятельские отношения со всякими знаменитостями, щеголяя этим, все время говорила: мне **тот-то** (называя знаменитость) сказал **то-то**, а вот когда я недавно была у **тех-то**, (опять знаменитость) мне сказали **то-то** и т. д.* [А. А. Сарибан. Дневник (1975)]
- (2) *Мама ... объявила мне, что я должен явиться **такого-то** числа **во столько-то туда-то**.* [Александр Киров. Ушаны // «Октябрь», 2013]

Большинство репрезентативов допускают редупликацию по модели сочиненной группы с союзом *и*, с акцентом на втором вхождении. По данным НКРЯ, одиночные (нередуплицированные) варианты репрезентативных местоимений встречаются чаще, чем редуплицированные, но соотношение этих вариантов для каждого местоимения индивидуально. К числу репрезентативов с самой высокой долей редуплицированных вариантов относится *там-то*, с самой низкой долей — *тогда-то*:

- (3) Если были ошибочки, обращаю его внимание, что вот **там-то и там-то** я пустил пузыря. [В. В. Ершов. Дневник (1993) // Летные дневники. 1984-2002 годы / Проза.ru]
- (4) Ведь о сериалах всегда ходят слухи, что кончатся они **тогда-то и тогда-то**. [Борис Рогинский. Нечто об еже // «Звезда», 2003]

Репрезентатив появляется в тексте по инициативе нарратора и в оригинальном высказывании не был и не мог быть представлен, однако он прекрасно «уживается» с цитатой, даже если она построена как прямая речь, ср. обращение и императив в (5):

- (5) Для этого автоответчик отлично бы подошел. Именно для того и придуман. "Дорогой Сергей, звонил **тот-то**, перезвони мне по **такому-то** номеру". Ту-ту-ту-ту. И Сергей перезванивает. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

Один из самых частотных репрезентативов строится на базе местоименного наречия *так* — *так(-то)* и *так(-то)*. Как и прочие репрезентативы, он может встраиваться в структуру цитируемого фрагмента, функционируя как обстоятельство способа действия или как актант при некоторых глаголах (*поступать / вести себя так-то*):

- (6) Сейчас говорят/ аа нам дорого завести ребёнка. Почему? Потому что люлька в машину должна стоить двадцать пять тысяч. Потому что ребёнка надо одеть вот **так-то/ вот так-то/ вот так-то**. [Общество потребления: прогресс или деградация. Программа «Правда на ОТР» (2017)]
- (7) Простейшим видом морального требования являются единичные, частные предписания и оценки, высказываемые в конкретных ситуациях («Ты должен сейчас **поступить так-то**»; [О. Г. Дробницкий. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии, 1972, № 2, 1972].

Наряду с такими стандартными употреблением, репрезентатив *так(-то)* и *так(-то)* допускает еще и автономные употребления, т. е.

употребления вне клаузуальной структуры, не характерные для других репрезентативов (впервые на этот феномен обратила внимание И. Б. Левонтина (2020)). В таких случаях репрезентатив выступает проектором цитаты, т. е. выступает как дискурсивный маркер, функция которого — открыть цитату и одновременно ее «хеджировать», снимая ответственность за нее с ретранслирующего нарратора:

(8) *Он пришел в городское ГАИ и сказал, что вот так и так, Кио на гастролях, неизвестно, когда вернется.* [Игорь Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]

(9) *Посмотрели мои документы и говорят: так и так, мы вас хотим отправить в Институт географии Академии наук.* [Наталья Лескова. «Антарктида — любовь моя» // «Знание — сила», 2020]

В докладе на материале мультимедийного подкорпуса НКРЯ (МУРКО) будут продемонстрированы просодические особенности автономного употребления *так(-то)* и *так(-то)*. Будет показано, что в этом случае *так(-то)* и *так(-то)* всегда имеет собственный фразовый акцент (на втором *так*) и отделено от следующей за ним цитаты просодическими швом. При этом могут использоваться две просодических стратегии: репрезентатив может оформляться либо (а) как просодически завершенный — с нисходящим тоном, обычно по типу ИК1 в терминах интонационных конструкций [Брызгунова 1982], следуя просодической модели авторской ремарки, предваряющей цитату; либо (б) как просодически незавершенный, с восходяще-нисходящим или нисходяще-восходящим тоном по типу ИК6 или ИК4, следуя просодической модели последнего элемента цепочки клауз.

Кроме того, на материале параллельного подкорпуса НКРЯ будет продемонстрировано, что автономное проекторное *так(-то)* и *так(-то)* хуже поддается адекватному переводу, чем неавтономные употребления репрезентативов, однако в целом ряде языков указательные местоимения, особенно редуцированные, могут употребляться в качестве репрезентативов — как встраиваясь в клаузуальную структуру, так и автономно.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика, Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 98–118.

Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания, 2020, № 3. С. 52–77.

Онипенко Н. К. Грамматика и поэтика местоимений в романе С. Соколова «Школа для дураков» // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 93–99.

Откупщикова М. И. Разряд пролокутивных местоимений русского языка // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир: Владимирский государственный педагогический институт имени П. И. Лебедева-Полянского, 1989. С. 32–37.

Падучева Е. В. Местоимения деконкретизации (*такой-то* и др.) // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

Подлесская В. И. «Чужая» речь в свете корпусных данных. Вопросы языкознания, 2018, № 4. С. 47–73.

РЕЧЕВОЙ «ЖЕСТ» В ПИСАТЕЛЬСКО-ЧИТАТЕЛЬСКОМ ДИАЛОГЕ

О. И. Северская

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)*

oseverskaya@yandex.ru

«Конечно, общаться можно и без слов: можно движением, взглядом, жестом очень много сказать. И все-таки общение и речь неотделимы друг от друга в нашем сознании», — с этой цитаты из знакового радиointerview Т. Г. Винокур [Винокур 2002] можно начать разговор и о речевых «жестах», и о точке зрения как фокусе эмпатии, ключевых моментах, в терминах Т. Г. Винокур, «коммуникативно-стилистического варианта РП (речевого поведения — *О.С.*) “поиск общего языка”» [Винокур 1993: 60]: «Найти общий язык — значит преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего, в соответствии с ожиданиями последнего» [Там же: 60–61]. В художественном, и особенно поэтическом тексте инструментом актуализации становятся так называемые речевые «жесты», указывающие на объект, которому и посвящено высказывание, и позволяющие его «увидеть воочию».

Речевой «жест» в прагматике — это «самостоятельная непредикативная нечленимая речевая единица, выполняющая сигнальную функцию» [Фатхутдинова 2016: 60]. Такие единицы играют роль экспрессивного логического ударения и используются, по словам Т. М. Николаевой, назвавшей такие акценты «выделением экстренного введения в ситуацию», когда «необходима быстрая реакция адресата и необычная форма высказывания должна привлечь его внимание» [Николаева 1980: 201]. Пучок акцентированных смыслов при этом образует независимый, минимально связанный с текстом контекст, а репрезентирующие его слова и выражения представляют собой «сокращенное до минимума ситуативное описание», «целое, глобальное, но экстраординарное сообщение» [Николаева 1982: 74], оно и создает базу «поиска общего языка» или «переговоров» автора и читателя [Северская 2020; Siltanen 2016].

Маркерами актуализации, речевыми «жестами», становятся обеспечивающие «экстренное введение» в поэтическую коммуникацию текстовые фрагменты, воспроизводящие сенсорно воспринимаемые действия, предметы и признаки в их непосредственной наблюдаемости. К таким маркерам можно отнести все *средства звукового выделения* (звукосмысловые «жесты» — паронимическую аттракцию, ассонанс и консонанс), *актуализаторы референта / референтной ситуации* (прямую номинацию реалии, фрейминг) и *коммуникативной рамки* текста как высказывания (прагматические переменные). Все они способствуют формированию импликатур (выводов, которые делаются на основании текста, контекста, фоновых знаний), манифестируя переход от *ощущения* поэтической реальности к ее *осмыслению*.

Звукосмысловой «жест», основанный на паронимической аттракции, не только создает сенсорно воспринимаемый звуковой иконический образ, выделяя некий целостный объект поэтической реальности или ситуацию в целом: *Я увидел: идёт за тобой неотвязно размахом баталия, в обороне бароны, и боров на них с бороной, и другие детали...* (А. Парщиков. «Я жил на поле Потавской битвы»), но и задает направление семантического вывода: *остеохондроз сел на плечи, и хандра бьет в нос как горчица...* (Т. Щербина. «Мода») — в этом случае в выделенном положении дел («*хондра хандрит*») актуализируется сплав боли физической и душевной. При этом звукосмысловой «жест», как правило, соотносится и с общим знанием о мире: *платоновской плоти плато* (В. Аристов. «Дом Платона») — это и воплощенный в звуке целостный фрагмент поэтической картины мира, и актуализация представлений о Платоне, платонизме, плотском и платоническом. Обозначая исходную референтную ситуацию и выделяя ее составляющие, паронимическая аттракция позволяет создать уникальное наименование для одного и того же «нестандартного» объекта с помощью нескольких формально связанных слов стандартного языка [Северская 2022: 91]. В процессе интерпретации при этом воссоздается то, что К. Фергюсон [Ferguson 2014: 3] называет «звуковым пейзажем» (визуализацией звукового материала) и «картинкой» (последовательно выстроенной серией визуальных образов).

Еще один пример речевого «жеста» — **прямое указание на референт**: *Потомок гидравлической Арахны*, персидской драгмой он сшивает стены <...> зевает *кот* (И. Жданов. «Орнамент»). Автор как бы подсказывает читателю: «Все, что (будет) сказано, относится к

принадлежащему поэтическому миру объекту X» и тем самым актуализирует протоконцепт и признаки, совместимые с объектным классом X.

Фрейминг, прямое указание на конситуацию поэтического высказывания, апеллирует к фоновым знаниям читателя и актуализирует стереотипные представления о типичной ситуации, существенные для интерпретации: *Это праздник. Розы в ванной. Шумно, дымно, негде сесть* (С. Гандлевский. «Это праздник...»); *Мы жарим двух быков на вертеле* (А. Парщиков. «На ферме. Калифорния»). Начиная со знакомой читателю по личному опыту ситуации, поэт облегчает ему «собираение» и актуализацию соотносимых с этой ситуацией семантических признаков, тем самым делая возможным постижение сути и логики образа: *Роняем монеты, когда тащим деньги из кармана, [...] оправданий больше, / чем мелочи, которой устлали путь отступления* (А. Драгомощенко. «Роняем монеты...»); *Отдалённый города гул / Ты слышал зимним утром / Глаза закрыв / Ты вспомнил: в метро-переходе играли так же гусли-самогуды / Ты пробежал с привычной сумкою через плечо / и ощутил под пальцами / всю городскую музыку, трепет и людские разговоры / ты был его источник, слабый родник этого гула / ты чувствовал, как мир играл, переходя в простой предмет* (В. Аристов. «Предметная музыка»).

Наконец, актуализации способствует **непосредственное введение читателя в коммуникативный контекст высказывания**. Читатель как бы становится «свидетелем» некоего речевого акта, происходящего «здесь» и «сейчас» или «там» и «тогда», при актуализации прагматических переменных и/или перформативном употреблении глаголов говорения и восприятия: *Ты говоришь: язык не имеет ни цели, ни центра. / Вслушиваюсь, пытаюсь понять твой язык* (С. Соловьев. «Ты говоришь...»). Зачастую «я» и «ты» совпадают в обобщенно-личных формах, заставляя читателя «увидеть» то же самое: *Нам кажется: в воде он вырыт, как траншея...* (А. Парщиков. «Сом»).

Разновидностями актуализаторов такого рода можно считать и средства диалогизации [Северская 2020: 427–429]. Это и императивы: *Читай: а счастье было так возможно, / так что же, боже мой, произошло?* (Т. Щербина. «Тридцать секстин»); *Пойдемте. Я как раз туда* (Л. Рубинштейн. «Появление героя»), а также вопросы, адресованные читателю и апеллирующие либо к стереотипному опыту, либо к общему фонду знаний, в том числе языковых.

Как можно было заметить, речевые «жесты» манифестируют эксплицитную или имплицитную самопрезентацию автора, регулируя и направляя его диалог с интерпретатором текста, определяя фокус эмпатии и активизируя общие фоновые знания и социокультурную и языковую компетенцию, помогая распознать разные состояния поэтического мира и изменения исходной ситуации — текстовые события.

Литература

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Винокур Т.Г. Десять заповедей культуры речевого поведения. Из цикла бесед о русском языке на «Радио России» [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.1sept.ru/articlef.php?ID=200203102> (дата обращения: 14.11.2024).

Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматические признаки. // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 198-210.

Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 105 с.

Северская О.И. «Побудь со мной. Поговори со мной»: стратегии взаимодействия с читателем в современной поэзии // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 419-436. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).419-436.

Северская О.И. Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 89-98. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-89-98>.

Фатхутдинова В.Г. Морфология русского языка: за пределами знаменательных частей речи. Учебно-методическое пособие для студентов-филологов. Казань: Отечество, 2016. 80 с.

Ferguson K. La mise en scène de poèmes: mieux faire comprendre la poésie par l'art dramatique // Faire la difference. De la recherche à la pratique. 2014. No 52. URL: http://www.edu.gov.on.ca/fre/literacynumeracy/inspire/research/WW_PerformPoetry.pdf (дата обращения: 16.01.2025).

Siltanen E. Experimentalism as Reciprocal Communication in Contemporary American Poetry (John Ashbery, Lyn Hejinian, Ron Silliman). Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins Publ. Company, 2016. 210 p.

О ФИЗИЧЕСКОМ КОНСТРУИРОВАНИИ РУССКОГО ЖЕСТА «ОБЪЯТИЕ»: ПОВЕДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ*

Н. В. Сухова

*Университет науки и технологий МИСИС
(Москва, Россия)*

suhova.nv@misis.ru

Последние многочисленные работы в области невербальной коммуникации и мультиканальной лингвистики дают широкое представление о структуре и функционировании гетерогенных единиц: от монокинетических движений, принадлежащих разным кинетическим каналам (например, жестам головы, рук и т. п.) до кластеров единиц, входящих сразу в несколько каналов (например, жесты, сопровождающие речь). Подробнее см. [Литвиненко, Николаева, Кибрик 2017; Кибрик 2018; He et al. 2019; Rohrer et al. 2020; Евдокимова, Николаева 2022; Li, et al. 2024].

Особенным явлением представляется тактильная коммуникация, которая охватывает жесты социального касания. К жестам социального касания относятся такие движения, которые реализуют сразу несколько участников коммуникации, например: объятие, поцелуй, прижать к груди, погладить по голове и др.

Исследование тактильных жестов зиждется, во-первых, на биологических, физиологических и психологических особенностях их производства. Здесь особую роль играет С-тактильная система — обособленная система кожной механорецепции, которая реагирует на медленные прикосновения и поглаживания, связанные с положительными эмоциональными ощущениями [Варламов, Портнова, Мкглоун 2019]. Важным оказывается ощущение от прикосновения, номинация этого ощущения в языке и психофизический эффект от него для человека (см. работу [Guest et al. 2011; McIntyre et al. 2022] на материале английского языка и [Варламов и др. 2019] — на русском материале). Результаты подобных экспериментов могут быть использованы в практике реабилитации или частичной компенсации

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ, соглашение № 075-15-2022-1139, проект «Тактильная дефензивность и способы ее преодоления: влияние тактильных контактов на психоэмоциональное и социальное развитие человека».

при заболеваниях аутистического спектра, неврологических заболеваниях, в случаях недоношенных детей и т. д. (о применении технологий виртуальной реальности через гаптический жилет, см. [Deusdado, Antunes, 2024]).

Во-вторых, тактильное поведение имеет и культурные особенности, которые распространяются как на физическую структуру жестов (табуированность vs приемлемость некоторых форм тактильного поведения и топонимики прикосновений [Suvilehto et al. 2019]), так и на коммуникативное значение и общее восприятие со стороны коммуникантов и наблюдателей.

Данная работа продолжает серию работ [Сухова 2024], посвященных исследованию структурных характеристик русского тактильного жеста «объятие». Более конкретно, целью работы является описание поведения каждого из участников реализации жеста «объятия».

В физической реализации жеста «объятия» сложно определить начало и конец жеста в отличие от нетактильных жестов, например, жестов головы. Однако, как было отмечено в [Сухова 2024], если исходить из общепринятого алгоритма описания фазовости жеста, то можно вычленить подготовку — мах — ретракцию, но в несколько модифицированном виде. Так, одной из ключевых характеристик жеста «объятие» оказывается роль (или скорее, действия) каждого из участника коммуникативной ситуации.

Материалом данного исследования послужили 29 видеофрагментов из советско-российских фильмов XX века, представленных в мультимедийном корпусе Национального корпуса русского языка МУРКО. Разметка эпизодов производилась с помощью программы *ELAN*¹.

Материал демонстрирует вариативность в реализации жеста «объятие»: фаза подготовки часто осуществляется руками, ретракция жеста характеризуется физическим «уходом» одного из участников, или «разъединением» касания в определённой точке маха. В этой методологии определения начала и конца жеста длительность варьирует от самой короткой (2 сек) репрезентации в фильме «Цирк» (1936 г.) до самой долгой (1 мин) — в фильме «Друг мой, Колька!» (1961 г.). В среднем по фильмам жест длится 6–13 секунд.

¹ ELAN (Version 6.9) [Computer software]. (2025). Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. Retrieved from <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

Результаты исследования показали, что действия одного участника реализации жеста могут как: 1) совпадать с действиями другого участника; другими словами, обнимаются оба человека (рис. 1); 2) не совпадать, т. е. один участник, скорее, обнимает другого, «бездействующего» (рис. 2); 3) радикально отличаться, т. е. люди выполняют «разные» движения, при общей картине реализации жеста «объятие» (рис. 3). Кроме того, в реализации жеста могут участвовать несколько человек, что усложняет описание физической структуры жеста.

Рис. 1. Кадр из фильма «Цирк» (1936), где объятие реализуется двумя участниками одновременно

Рис. 2. Кадр из фильма «Когда деревья были большими» (1961), где объятие реализуется одним участником

Рис. 3. Кадр из фильма «Бриллиантовая рука» (1968), где действия участников отличаются

Более детальные различия заключаются в гендерной принадлежности участников, в степени их знакомства, в социальном статусе, в условиях реализации жеста (присутствие других людей) и в наличии сопутствующих или последующих движений.

Таким образом, изучение структурного строения жеста взаимного касания «объятие» через определение действий каждого из участников оказывается перспективным для дальнейшего исследования компонентов тактильного поведения человека.

Литература

Варламов А. А., Кравченко А. Н., Горбачева А. В., Осадчий М. А. Язык прикосновений: биологические аспекты тактильного восприятия и особенности тактильных коммуникативных сигналов // Вопросы языкознания, 2020, Вып. 2. С. 75–92.

Варламов А. А., Портнова Г. В., Мкглоун Ф. Ф. С-тактильная система и нейробиологические механизмы «эмоционального» тактильного восприятия: история открытия и современное состояние исследований // Журнал высшей нервной деятельности, 2019, том 69, № 3. С. 280–293.

Варламов А. А., Иняшкин С. Г., Горбачева А. В., Семиреченко А. Н., Осадчий М. А., Русецкая М. Н. Лексика и сценарии тактильного восприятия в аспекте создания исследовательского тезауруса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2019, Т. 18, № 1. С. 47–61.

Евдокимова А. А., Николаева Ю. В. Кинетические кластеры и их функциональные типы // Труды института русского языка имени В. В. Виноградова. 2022, Вып. 2. С. 184–200.

Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал, 2018, Вып. 39 (2). С. 79–90.

Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017», 2017, вып. 16. С. 255–268.

Сухова Н. В. «Обними меня»: три эпохи русского жеста «объятие» (по данным корпуса МУРКО) // Наука телевидения. 2024. 20 (1). С. 137–167.

Deusdado L. D., Antunes A. F. J. Anatomy of a hug in virtual reality // Procedia Computer Science, 2024, Vol. 239. Pp. 1180–1187.

Guest S., Dessirier J. M., Mehrabyan A., McGlone F., Essick G., Gescheider G., Fontana A., Xiong R., Ackerley R., Blot K. The development and validation of sensory and emotional scales of touch perception // Attention, Perception, & Psychophysics, 2011, Vol. 73. Pp. 531–550.

He Y., Luell S., Muralikrishnan R., Straube B., Nagels A. Gesture's body orientation modulates the N400 for visual sentences primed by gestures // Human Brain Mapping, 2019, Vol. 41. Pp. 4901–4911.

Li P., Baills F., Xi X., Prieto P. Gesture shape and gesture–speech alignment predict simultaneous L2 sound production accuracy // Multimodality across Epistemologies in Second Language Research. Eds. A. Brown, S.W. Eskildsen. NY: Routledge, 2024. Pp. 173–186.

McIntyre S., Hauser S. C., Kusztor A., Boehme R., Mougou A., Isager P. M., Homman L., Novembre G., Nagi S. S., Israr A., Lumpkin E. A., Abnoui F., Gerling G. J., Olausson H. The language of social touch is intuitive and quantifiable // Psychological Science, 2022, Vol. 33, Issue 9. Pp. 1477–1494.

Rohrer P. L., Tütüncübasi U., Vilà-Giménez I., Florit-Pons J., Esteve-Gibert N., Ren-Mitchell A., Shattuck-Hufnagel S., Prieto P. The MultiModal MultiDimensional (M3D) labeling system. 2023. URL: <https://doi.org/10.17605/osf.io/ankdx>

Suvilehto J. T., Nummenmaa L., Harada T., Dunbar R. I. M., Hari R., Turner R., Sadato N., Kitada R. Cross-cultural similarity in relationship-specific social touching. Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences, 2019, Vol. 286. Article 20190467.

ДВЕ ПЕРВЫЕ ОКУЛОМОТОРНЫЕ ПЯТИЛЕТКИ: ОТ ОПИСАНИЯ К ОБЪЯСНЕНИЮ

О. В. Федорова

*МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

olga.fedorova@msu.ru

За годы, прошедшие с момента появления первых **айтрекеров**, был накоплен большой объем знаний об особенностях глазо-двигательного поведения человека в разного рода экспериментальных заданиях — при чтении, рассматривании картин и даже при игре в футбол. Несколько парадоксальным образом оказывается, что о распределении зрительного внимания собеседников **в естественной коммуникации** мы знаем гораздо меньше. Данный доклад подытоживает наши работы за последние 10 лет, посвященные этому вопросу, а также намечает новые перспективы.

Направление взгляда — важная составляющая бимодальной коммуникации, которая дает возможность исследовать зрительное внимание собеседников. Основы изучения распределения зрительного внимания в ходе естественного общения были заложены почти 60 лет назад классиком невербальной коммуникации А. Кендоном (Kendon 1967). В частности, используя данные кинозаписи, А. Кендон показал, что (i) человек чаще смотрит на собеседника, когда слушает его, чем когда сам говорит; (ii) наблюдаются очень сильные индивидуальные различия. В наших работах мы подтвердили результаты А. Кендона на оculoмоторном материале корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» [Кибрик, Федорова 2018]. В частности, в работе [Федорова 2020] мы показали, что типичный адресат смотрит на говорящего длинными фиксациями, изредка бросая короткие фиксации на окружение, в то время как типичный говорящий чередует длинные фиксации на адресата с короткими фиксациями на окружение.

Большой вклад в изучение распределения зрительного внимания в бимодальной коммуникации внесли также работы известной канадской исследовательницы Дж. Бавелас, которая также с 1967 г. занимается этой проблематикой (Watzlawick et al. 1967). В своих работах Дж. Бавелас ввела понятие **«взаимного взгляда»**, когда собеседники (в самом простом случае, два собеседника — говорящий и

адресат) одновременно смотрят друг на друга. Такие моменты регулярно возникают в ходе как диалогической, так и монологической коммуникации. Синонимичный термин, который Бавелас использовала, когда делала акцент на динамике окуломоторного взаимодействия — «глазное окно». Глазное окно открывается, когда взгляды собеседников встречаются, и закрывается, когда один из них отводит взгляд в сторону. Дж. Бавелас отмечала, что взаимный взгляд часто случается в ситуации смены реплик в диалоге.

Вопрос о чередовании реплик в диалоге с точки зрения взглядов собеседников подробно анализировала и Е. А. Гришина. В своей монографии [Гришина 2017] в главе «Грамматика взгляда» она представила исследование направления взгляда собеседников **на границах реплик**, анализируя кинокомедии «Бриллиантовая рука» Гайдая (1968) и «День выборов» Фомина (2007). Выборка включала 527 случаев, когда очередь хода переходит от говорящего к адресату и 538 случаев — от адресата к говорящему; все рассмотренные случаи включали речь только двух персонажей. Е. А. Гришина обнаружила существенные отличия в распределении взглядов говорящего и адресата при переходе реплики. В частности, оказалось, что если говорящий обращается непосредственно к адресату (так называемый «провоцирующий взгляд»), то на границе реплики он смотрит на собеседника, контролируя процесс передачи реплики. Если же говорящий осуществляет нейтральный речевой акт, не требующий от собеседника немедленной реакции, его взгляд обычно направлен не на адресата, а в пространство.

В работе [Федорова 2022] мы описали похожую ситуацию: в процессе монологического дискурса говорящий смотрит на адресата относительно редко, а адресат, наоборот, отвечает частыми взглядами. Когда их взгляды встречаются, возникает взаимный взгляд, или глазное окно. Через определенное время адресат подает тот или иной сигнал обратной связи, после чего вскоре говорящий закрывает глазное окно, отводя взгляд в сторону.

Все упомянутые выше исследования были выполнены в **описательной парадигме**: мы добросовестно фиксируем саккаду за саккадой, фиксацию за фиксацией, взгляд за взглядом, а затем ищем корреляции с не-окуломоторным поведением человека. Однако рано или поздно в работе исследователя встает вопрос, почему говорящий

или адресат в тот или иной момент времени смотрит на своего собеседника. Говоря другими словами, исследователь задумывается о функции взгляда и тем самым переходит к **объяснительной парадигме**. В работе [Федорова 2019] мы уже касались этого вопроса, однако в данном докладе мы предложим несколько другой подход.

Вопрос о **функции взглядов** собеседников в естественной коммуникации также имеет давнюю историю. Рассмотрим две классические работы на эту тему. А. Кендон в 1967 году выделил четыре функции направления взгляда:

1. Функция мониторинга — глядя на собеседника, мы определяем, куда он смотрит, какова его мимика, в какой позе он находится;

2. Регуляторная функция — в частности, говорящий регулирует смену реплик в диалоге, когда в конце своей реплики при помощи взгляда передает ход адресату;

3. Экспрессивная функция — например, взгляд в сторону во время речи собеседника может выражать неудовлетворенность его словами;

4. Взаимный взгляд, глазной контакт — количество взаимных взглядов зависит от уровня эмоциональности [Kendon 1967].

Вторая классическая работа была написана в 1973 году. В ней авторы описали основные функции движений взгляда довольно похожим образом [Argyle et al. 1973]:

1. Функция поиска информации — говорящий смотрит на собеседника с целью немедленно получить реакцию на свои слова, адресат подкрепляет слуховую информацию зрительной, следя за мимикой или направлением взгляда собеседника; видимо, эта функция похожа на функцию мониторинга по Кендону;

2. Функция контроля за синхронизацией речи — аналогична регуляторной функции по Кендону;

3. Сигнализирующая функция — говорящий или адресат посылают различные межличностные сигналы, говорящий иллюстрирует свою речь; по-видимому, эта функция похожа на экспрессивную функцию по Кендону;

4. Взаимный взгляд, глазной контакт — аналогично Кендону.

Обе классические классификации продолжают активно использоваться и в настоящее время. Однако в последние годы становится все

более очевидной так называемая **двойственная функция взгляда**. В частности, как образно отмечает М. Гобель с соавторами, «уши не могут говорить, губы не могут слышать, но глаза могут как подавать сигнал, так и воспринимать его. Для человека эта двойственная функция делает глаза замечательным инструментом социального взаимодействия. Однако для психологов, пытающихся понять движения глаз, их двойственная функция вызывает фундаментальную неоднозначность» [Gobel et al. 2015: 359], *перевод мой — ОФ*.

В данном докладе мы предложим новый взгляд на классификацию функций движения взгляда, более динамическую и учитывающую данные из других когнитивных наук, см. схему на рис. 1.

Рис. 1. Схема коммуникации между двумя собеседниками, окулomotorный компонент

Также в докладе мы подробно расскажем о возможных методах верификации выделенных функции взгляда, в том числе:

1. Рассаживать собеседников в разные положения друг относительно друга, чтобы можно было видеть собеседника (i) периферийным зрением, (ii) переводом взгляда, (iii) поворотом головы, (iv) поворотом туловища.
2. Давать собеседникам такие фоновые задания, которые требуют окулomotorной концентрации различной степени, а не рутинного режима ожидания, например: чтение вслух, разговор на

языке жестов, исполнение музыки по нотам в музыкальных ансамблях [Vandemoortele et al. 2018].

Литература

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Языки славянской культуры, 2017. 744 с.

Кибрик А. А., Федорова О. В. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2018. № 15(2). С. 191–200.

Федорова О. В. О коммуникативной функции взгляда // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. Т. 21. С. 222–241.

Федорова О. В. Зрительное внимание говорящего и слушающего на монологических эпизодах естественной коммуникации: развивая идеи Кендона // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. Т. 8. С. 17–25.

Федорова О. В. Координация взглядов говорящего и слушающего в монологической бимодальной коммуникации // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 2. С. 164–183.

Argyle M., Ingham R., Alkema F., McCallin M. The Different Functions of Gaze // *Semiotica*. № 7(1). 1973. P. 19–32.

Gobel M. S., Kim H. S., Richardson D. C. The dual function of social gaze // *Cognition*. Vol. 136. 2015. P. 359–364.

Kendon A. Some functions of gaze direction in social interaction // *Acta Psychologica*. 1967. Vol. 26. P. 22–63.

Vandemoortele S., Feyaerts K., Reybrouck M., Bièvre G., Brône G., Baets T. Gazing at the partner in musical trios: A mobile eye-tracking study // *Journal of Eye Movement Research*. 2018. Vol. 11.

Watzlawick P., Beavin J. (Bavelas), Jackson D. D. Pragmatics of Human Communication. A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes. New York: Norton, 1967.

ПРОСОДИЯ ОБРАЩЕНИЙ

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН

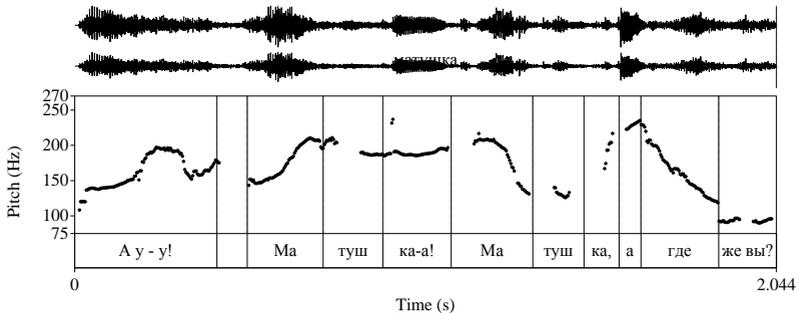
(Москва, Россия)

tanya_yanko@list.ru

В докладе рассматриваются просодические стратегии речевого акта обращения, в частности, в контексте других прагматических значений, таких, как дальний зов и обращение к слушающему, про которого неизвестно, слышит ли он говорящего. Показано, что при композиции иллокутивной силы обращения с указанными значениями обращения и другие типы речевых актов, например, вопросы и императивы, используют общие просодии. Обратимся к примерам¹.

(1) *Ау-у! Матушка-а! Матушка, а где же вы?* (П. Лунгин, и др. Дело о «Мертвых душах» / к/ф, 2005, НКРЯ).

матушка

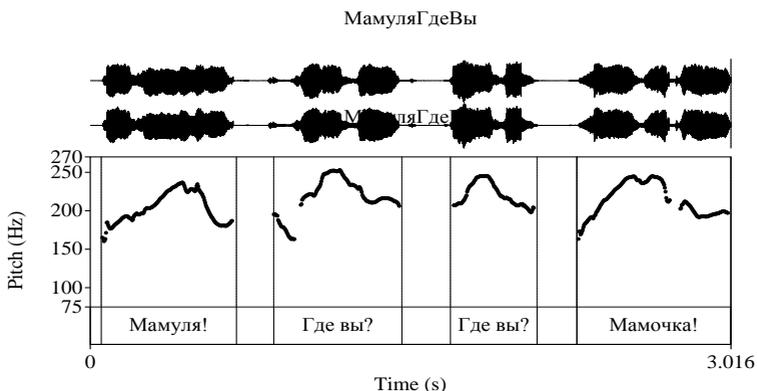
Два первых речевых акта в примере (1) *Ау!* и *Матушка!* произносятся с подъемом в начале речевого акта, небольшой плато-фазой и пролонгированным исходом на среднем уровне частоты основного тона. Растянут не только исход речевого акта, но и вся артикуляция в целом. Перед нами просодия зова слушающего,

¹ Материал для анализа взят из мультимедийного подкорпуса Национального Корпуса русского языка (НКРЯ); о корпусе см. [Савчук и др., 2024]. Верификация слуховых гипотез автора произведена с помощью программы анализа звучащей речи Praat [Boersma, Weenink 2025].

которого говорящий не видит, но пытается найти. *Ау!* и *Матушка!* несут здесь единообразный просодический рисунок. В применении же ко второй паре речевых актов — обращению *Матушка!* и вопросу *А где же вы?* говорящий использует уже другую стратегию, тоже единообразную. Это рельефное падение на ударном слоге словоформы *матушка* и такое же падение на вопросительном слове *где* в вопросе. На заударных слогах фиксируется ровный низкий тон. Это ИК-2, по Е. А. Брызгуновой [1982]. Вторая стратегия — это прототипическая стратегия обращения, а также вопроса с вопросительным словом, не связанных с другими прагматическими значениями. Существенно, что и у обращения, и у вопроса здесь фактически единая просодическая стратегия с поправкой на то, что обращение *Матушка!* на втором заударном слоге «подтягивается» вверх к высокому началу вопроса. Существенно, что в этом контексте фигурирует вопрос с вопросительным словом (использующий сегментный способ маркирования иллюкутивной силы), в результате чего достигается единство просодических стратегий пары «обращение — вопрос»: в *да-нет*-вопросе с просодическим маркированием иллюкутивной силы просодия была бы другая.

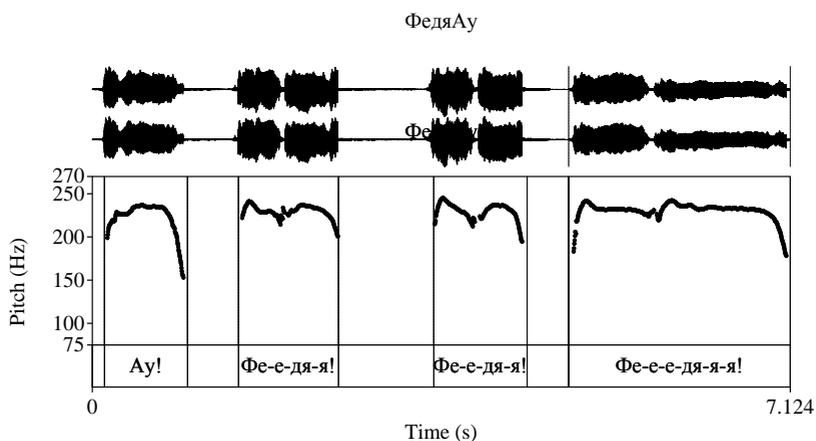
В примере (2) наблюдается четыре речевых акта, имеющих сегментную форму обращения и вопроса с вопросительным словом. Все четыре речевых акта, как и первые два в примере (1), несут просодию зова невидимого слушающего: подъем в начале речевого акта с растянутым финалом, артикулируемым на среднем уровне частоты основного тона.

(2) *Мамуля! Где вы? Где вы? Мамочка?* (Л. Гайдай и др., *Не может быть!*, к/ф, 1975, НКРЯ)

Обратимся к просодии дальнего зова. Пример (3) демонстрирует зов в лесу. В речевом акте зова *Ау!* и в обращении к некоему Феде фигурируют сверхдолгие гласные, которые формируют начальную и конечную плато-фазу (если слогов в имени более одного), а также падение частоты в финале речевого акта. Финал такого обращения пролонгируется, несмотря на то, что финальный слог может быть безударным с точки зрения словесного ударения, как в словоформе *Федя*.

(3) *Ау! Федя! Федя! Федя!* (Н. Кошеверова, М. Вольпин. Как Иванушка-дурочок за чудом ходил, к/ф, НКРЯ, 1977)

Обратимся к вокативным стратегиям в отсутствие пространственных и других физических преград для общения. В этом случае у коммуникантов могут возникнуть психологические препятствия или, наоборот, расположенность к общению. В русском языке эти условия влияют на выбор акцентоносителя в более чем однословных обращениях. Обратимся к примеру.

(4) *Слушаю, товарищ **командующий!** Товарищ командующий, я же боевой генерал, ну какой из меня педагог?* (Ю. Егоров, Е. Долматовский. Добровольцы, к/ф, 1958, НКРЯ).

В начале телефонного разговора военный обращается к старшему по званию в официальном стиле, при котором акцентируется вторая словоформа более чем однословного обращения; акцентоноситель обращения выделен полужирным шрифтом. Услышав поручение

командующего, генерал впадает в беспокойство и переходит в режим более доверительного общения, пытаясь — уже в неформальном тоне — уговорить командующего не поручать ему преподавательскую роль. Акцент немедленно смещается на первую словоформу обращения. Акцент же на второй словоформе имени, как при первой встречаемости обращения *товарищ командующий*, характеризует дефолтный выбор акцентоносителя в русском языке, см. также пример (5):

(5) — *Вас как зовут?* — Анна **Иванна**. — *Анна Иванна, собакам мы поможем...* (Встреча Губернатора Московской области Воробьёва А. Ю. с жителями г. Протвино, 2014, НКРЯ).

В примере (5) жительница города один раз представляется губернатору, и тогда в качестве акцентоносителя в ее имени фигурирует отчество, что иллюстрирует дефолтный выбор русского языка, а второй раз ее имя произносит губернатор, обращаясь к ней в подчеркнуто вежливом тоне, что смещает акцент в ее имени на первую словоформу. На «левый» сдвиг в обращениях обращает внимание Н. Д. Светозарова [1993].

Существенно, что такого рода «левый» сдвиг характерен именно для русского языка, но не для английского или немецкого: англ. **Your Honour!*; англ. **Miss Eagleton!*; нем. **Herr Walter!*; нем. **Liebe Freunde!*; нем. **Marie-Luise!* [Палько 2009]. Левый сдвиг как средство выражения значений — это важная типологическая черта русского языка.

Существует также существенное отличие обращений с местоимением *ваш* от обращений с местоимением *мой*: местоимение *ваш*, которое используется в титульных обращениях, подвержено левому сдвигу, а местоимение *мой* — нет:

(6) **Ваше** благородие! **Федор** Акимыч! Зачем убивать?
(М. Швейцер, А. Чехов. Смешные люди!, к/ф, 1977, НКРЯ).

Между тем обращения *мой мальчик*, *моя радость*, *мой милый* левому сдвигу не допускают. Это словарное свойство местоимения *мой*.

Рассмотрены просодические свойства речевого акта обращения в композиции с другими прагматическими значениями. Показано, что обращения в контексте вопросов с вопросительным словом и императивов могут иметь с ними общие просодии, выражающие

дальний и ближний зов. Показано также, что более чем однословные обращения в условиях неформального общения подвержены сдвигу акцентного пика со второй словоформы на первую.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Том 1. М., 1982а. С. 98–122.

Палько М. Л. Просодия обращений в немецком языке в сопоставлении с русским // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2009 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. 2009. С. 379–383.

Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.

Светозарова Н. Д. Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. 1993. Вып. I. М.

Boersma P., Weenink D. Praat: doing Phonetics by Computer. Version 6.4.26. 2025.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«Слово и жест»

**Научная конференция,
посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)**

Материалы конференции

Подписано в печать 01.02.2025 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 5. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Отпечатано в типографии Онлайн Принт
115487, Москва, ул. Нагатинская, 16Б